

черное и белое

Владимир Гурвич

Палестина, I век нашей эры. Из дальних странствий возвращается Симон-волхв. Он знает, что его друг детства Иешуа стал известным проповедником. Его охватывают предчувствия, что добром это не кончится. Через две тысячи лет молодой израильтянин Арон Шапиро находит в пещере близ Мертвого моря сосуд, где спрятана древняя рукопись Симона-волхва. Арон Шапиро взрослеет, становится известным философом и организует общество «Альтернативное мышление». Его цель — поиск новых подходов к объяснению загадки мира и жизни.

Роман — настоящее пиршество для интеллектуалов.

Владимир Гурвич

Черное и белое

Роман не претендует не на историчность, ни на истинность, а является плодом фантазии автора. А возможно это всего лишь сон, который однажды приснился наяву.

Был ли в самом
начале у мира исток
Вот загадка, которую
задал нам Бог.
Мудрецы толковали
о ней, как хотели
Ни один разгадать ее
толком не мог.

Омар Хайям

*Не вокруг творцов
нового шума, вокруг
творцов новых*

*ценностей вращается
мир. Он вращается
неслышно.*

Фридрих Ницше

*А что если
священное есть просто
пошлость?*

Василий Розанов

Часть I

Глава 1

Симон подошел к реке, напоминавшую неширокую подвижную синюю ленточку, и остановился, смотря по сторонам. Как давно не был он здесь и как долго шел он сюда. Мысленно он вернулся к началу пути. Даже трудно себе представить, что он завершен, что все бесчисленные трудности во время этой нескончаемой дороги преодолены. И кажется странным, что возвратился сюда живым, не раз мысленно он прощался с жизнью. Видно Бог хранил ее от всех напастей и опасностей.

Бог, подумал он, какое странное и непонятное

слово. Вечно ускользящая реальность, но которая дает о себе знать в каждое мгновение бытия. Нет, сейчас он вовсе не собирается размышлять на эту вечную тему, он может позволить себе отложить это занятие на потом. За эти годы достаточно времени он посвятил ему. И его не отпускает предчувствие, что еще придется уделять этому предмету много времени и внимания.

Симон вздохнул, но в этом вздохе не было сожаления. Какой смысл сожалеть о неизбежном, только напрасно растрчивать силы и энергию. Он вспомнил человека, который ему постоянно внушал эту мысль; его образ возник и почти тут же растаял в его воображении, словно ночное привидение. Еще не так давно эти встречи и беседы составляли основу его жизни, ради них когда-то он проделал длинный и опасный путь. А сейчас все это отодвинулось куда-то в сторону, хотелось заниматься совсем другим.

Он окунул в реку ладони. В это жаркое время года она становилось мелкой, ее можно легко перейти вброд. Симон вспомнил, как купались они в ней мальчишками. А теперь все они взрослые мужчины. И каждый идет своим путем. Или все же нет, и их жизненным путям суждено снова пересечься? Предчувствие скорой встречи не отпускает его.

Симон зашагал вдоль русла реки. Внезапно он услышал какой-то неясный шум. Подвижная лента

воды тут делала поворот, и он не видел, что происходит впереди.

Симон ускорил шаг. И буквально метров через двести остановился. То, что он увидел, поразило его. Несколько десятков людей стояли на берегу и внимали невысокому с черной, всколоченной бородой человеку. Он стоял на небольшом возвышении и яростно жестикулировал.

В уши Симона ворвался его иступленный голос.

— Покайтесь. Покайтесь. Ибо грешны вы. Только, признав это, вы очиститесь от скверны. И только тот, кто умолит свою душу под законом божьим, очистит и свою плоть, когда он будет прыскан святой водой и освятит себя в воде чистоты.

Да это же Иоанн, узнал Симон. Как же давно они расстались. И вот новая встреча. Предчувствие его не подвело.

Симон вспомнил, что Иоанн вступил в секту ессеев еще совсем молодым. И яростно, как все он делал, звал туда и его. Они много спорили на сей счет, Симон не соглашался на вступление. Но Иоанн сочетал ослиное упрямство с неистовством проповедника. И вот, кажется, через много лет эта жгучая смесь дала свои плоды.

Симон продолжал слушать друга детства.

— Не вода вас очищает, а дух святой, который

нисходит на вас после крещения. Ибо, если не подготовились вы к нему, не будет вам от этого пользы. Кто готов, идите за мной.

Иоанн подошел к кромке воды. За ним двинулась толпа последователей. Но не все, значительная их часть осталась стоять неподвижно. В их лицах, в их облике читалось отчаяние и жажда недоступного им погружения в реку.

Симон направился к Иоанну. Тот смотрел на пришельца, но по его лицу нельзя было понять, узнает ли он друга детства или нет?

Симон остановился рядом с ним.

— Иоанн, — позвал он.

Иоанн продолжал молча смотреть на него. В его глазах горел огонь фанатизма. Симону стало не по себе. Разве не от этого пламени сбежал он из этих мест много лет назад. И вот снова оно его обжигает.

— Кто ты? — вдруг спросил Иоанн, пристально взглядываясь в Симона.

— Я Симон, твой старый друг.

По тому, как изменились его глаза, Симон понял, что Иоанн узнал его. Но никакой радости его лицо не отразило.

— Когда ты вернулся? — спросил Иоанн.

— Сегодня. А что тут происходит, Иоанн?

— Разве ты не видишь. Мир погряз во грехе. Он требует очищения. Я призываю и тебя

последовать их примеру. — Иоанн обвел глазами стоящих вокруг них людей. Одна партия вышла из воды, другая заступала на ее место. Лица тех, кто оказались на берегу, сияли от радости, а те, кто в нее входили, были угрюмы и сосредоточены, как перед важным делом.

Как же мало нужно этим людям, чтобы их обмануть, подумалось Симону. Впрочем, те, кто желает быть обманутым, будут обмануты. А таких абсолютное большинство. Порой ему кажется, что это качество одно из основных человечества.

— Напрасно ты это затеял, Иоанн, — покачал головой Симон. — Так мир невозможно очистить.

— Не тебе об этом судить, — угрюмо произнес Иоанн, и в глазах его снова загорелись яркие огни веры.

Он не хотел этих споров, но только-только вернулся на родную землю, как все началось снова, грустно отметил Симон. Здесь все на этом помешаны. Но никуда от этого не деться.

— Почему же не мне, друг, — мягко произнес Симон. — Каждый может об этом судить. У меня на это прав не меньше, чем у тебя.

— У тебя на это нет прав. В тебе никогда не говорил дух святой. Зря ты вернулся.

Возможно это и так, подумал Симон. И это единственное, в чем может оказаться прав этот человек.

— Но откуда в тебе уверенность, что именно твоими устами говорит дух святой?

Иоанн так посмотрел на Симона, что тот невольно сделал шаг назад. Он испугался, что проповедник набросится на него. Да еще призовет для расправы над ним своих последователей.

— Тебе этого не понять. Я это чувствую каждой частицей своего тела.

— Нет ничего обманчивей чувств.

Симон уже не в первый раз вспомнил своего учителя из той страны, где он побывал. «Никогда не верь ни своим мыслям, ни чувствам, — разворачивалась лента памяти в его голове. — Мы чувствуем только то, что способны чувствовать. А мыслим только то, что на способны наши мысли. Но на каком основании мы можем быть уверены в истинности и того и другого? Все лишь должно быть ступенью для более высшего. Запомни раз и навсегда: никогда и ни на чем нельзя останавливаться. Где остановка, там возникает неправда».

Симон посмотрел в угрюмое лицо Иоанна, и желание процитировать эти слова у него тут же отпало. Он не поймет и никогда не согласится с ними. Он воспринимает себя носителем истины. И нет сильней этого заблуждения. А то, что ему внимают столько людей, выполняют все его повеления, лишь усиливает в нем убежденность в

своей правоте. И как с этим справиться, непонятно.

Симон остановил поток своих мыслей. Ему стало тревожно. Но не от действий и слов приятеля детства. Почему к нему вдруг пришла убежденность, что он должен воспрепятствовать этому безумию? Разве для этого он вернулся домой? Вовсе нет, это безнадежное занятие. Таких всегда было много на этой земле. Странная земля, где люди сполна проникаются божественным неистовством, где они спорят не то, что правильно и полезно, а то, что грешно или не грешно, что ведет к искуплению, а что от него отворачивает. Беда таких людей в том, что у них на глазах всегда покрывало. А тех, кто пытаются его с них снять, ненавидят лютой ненавистью. Вот и Иоанн сполна проникся ненавистью, об этом красноречиво говорит его пылающий взор.

— Если ты не с нами, тогда лучше тебя уйти отсюда Симон, — не скрывая враждебности, произнес Иоанн.

Пожалуй, только с этим он и может согласиться, подумал Симон.

— Да, я пойду, меня ждут дома. Я даже не знаю, живы ли родители.

— Они живы, — неохотно промолвил Иоанн.

— Это прекрасная весть, — улыбнулся Симон. — Спасибо тебе за нее.

Но Иоанн уже не слушал его, повернувшись к

нему спиной, он шел вдоль русла и благословлял тех, кто собирался креститься водой. С тяжелым сердцем Симон пошел прочь.

Глава 2

Арон Шапиро закончил писать и выключил компьютер. Несколько мгновений он смотрел на потухший экран монитора, напоминавший ночное беззвездное небо. В этом заключается что-то знаменательное, подумал он. Его жизнь стала такой же темной и беспросветной.

С тех пор, как пропала старинная рукопись, вернее, с тех пор, как обнаружилась ее пропажа, жизнь для него потеряла все краски. То, что составляло смыслом ее столько лет, вмиг утратило свое значение. С того самого момента, когда семнадцатилетним юношей он обнаружил в пещере, в которую провалился и едва не погиб, сосуд, а в нем папирус, все переменялось для него. Конечно, когда он с замиранием сердце доставал из сосуда свиток, этого не знал. Но предчувствие огромной важности происходящего настигло его уже тогда.

Свиток оказался в хорошем состоянии, учитывая, какое количество бездонного времени он тут пролежал. А в том, что он очень старый, Арон не сомневался. Хотя тогда он еще ничего не знал о науке, изучающей древние рукописи. Да и

письмена на ней были на незнакомом языке. Но охватившее его волнение было таким острым, что некоторое время он почти ничего не видел и не слышал. Такое с ним случилось впервые. И как юноша из ортодоксальной семьи, он не мог не подумать, что таким образом с ним говорит сам Господь. Иначе как объяснить, что же с ним тогда произошло.

Как ни странно, но прошло столько лет, все переменялось в его воззрениях настолько кардинально, что он даже сам этому удивлялся, а то убеждение сохранилось по-прежнему. И даже окрепло. Разумеется, он на все смотрел теперь иначе. Но разве это что-то меняет по большому счету. В этом мире все сохраняет свою неизменность. Меняются лишь только наши представления о ней. Но этот тончайший нюанс мы редко ощущаем.

В последнее время Шапиро томило предчувствие. Он ощущал поступь некой невидимой череды событий, которые непосредственно имеют отношение к нему, но о которых ему пока ничего неизвестно. Это утомляло и раздражало, лишало уверенности и спокойствия.

Шапиро был убежден, что пропажа, а точнее кража древней рукописи — в чем он несколько не сомневался — не может пройти для него бесследно. Столько лет он хранил в глубочайшей тайне ее

существование, пока однажды не понял, что если и дальше будет это делать, то совершит непоправимую ошибку. И тогда он нашел этих людей, кому доверил свой секрет.

То был долгий и кропотливый труд, который занял почти два года. Ему нужны были не просто люди, а особенные люди, которые бы отвечали его представлениям о том, каким должен быть настоящий человек. А таких в мире оказалось ничтожно мало. Как печально, что с той эпохи, из которой пришла к нему однажды эта рукопись, практически ничего не изменилось.

Шапиро продолжал смотреть на погасший экран. Получается по всему, что один из этих людей оказался вором. Значит, он ошибся, по крайней мере, в одном из них. Обидно. Хотя стоит ли этому удивляться, ведь каждый человек загадка для самого себя, а уж для другого — тем паче. К тому же вполне возможно, что у кого-то из них серьезно изменились обстоятельства или убеждения. Мало ли чего может в жизни произойти.

Совершил ли он в свое время ошибку, что поступил именно таким вот образом? Этот вопрос он задавал себе неоднократно, но ответа не находил. А какие были альтернативные варианты? Опубликовать свиток? Но что потом? Вселенский скандал. Но это ли было его целью? Нет и еще раз нет. Широкая огласка ничего бы не изменила в

мире, то бессмысленная затея. Ни тогда, ни теперь это был не тот путь. Впрочем, и выбранный им вариант был далеко не оптимальным. Скорей всего такого просто не существует. Этот мир еще не созрел для него. И ему ничего не оставалось делать, как лавировать в этой ужасной действительности.

Шапиро на экран своего воображения выводил всех товарищей по обществу. Нет, это бессмысленно, он никого не подозревает. Вернее, подозревает всех. Кроме одного. Потому что его не было на последнем заседании, после которого и пропала рукопись. И если что-то с ним, С Шапиро, случится, то одна надежда на него.

Шапиро стал думать о нем. К обществу этот человек присоединился последним. Это случилось после того, как он прочитал его книгу; он послал ему приглашение. Они встретились. А он и не думал, что тот такой молодой. По крайней мере, по сравнению с ним. Все же пятнадцать лет разницы в современном мире, где время так спрессовано, совсем не мало. Он ощущал в нем представителя иного поколения, хотя и родственного ему. То, на что он затратил десятилетия размышлений, к нему пришло за считанные годы. То, что у него вызывало мучения, внутренний протест и сопротивление, которые приходилось с помощью героических усилий преодолевать, он просто перешагивал, как лежащий на земле саквояж. И это вызывало и

зависть, и восхищение. И вот теперь одна надежда на него. Больше за содействием обратиться не к кому.

Шапиров услышал, как открылась входная дверь и по квартире застучали каблучки. В комнату вошла молодая девушка со жгучими черными волосами и смуглой кожей.

— Я тебя ждал, — сказал отец.

— Я задержалась в университете.

Шапиро кивнул головой. После окончания университета, ей, как лучшей студентки, предложили остаться в нем преподавать. Он был против, так как был уверен, что хорошим это не кончится. Но и возражать не стал. Что положено, то и свершится.

— Я хочу тебе кое-что сказать, это очень важно, — произнес Шапиро.

— Я слушаю тебя, папа. — Эльвира села рядом с ним.

Шапиро задумчиво смотрел на дочь. Правильно ли он поступает, намереваясь возложить на нее всю ответственность в случае чего. В конце концов, у нее своя жизнь. Он вспомнил, как десять лет назад, когда он развелся с женой, всех поразила тогда еще четырнадцатилетняя девочка. Она вдруг решительно заявила, что будет жить только с отцом, хотя все были уверены, что она останется с матерью. И кто только ее не уговаривал изменить

решение. Даже он попытался внести в это дело свою скромную лепту. Но она его единственного, кого не захотел слушать, просто сказала, чтобы он не вмешивался. И он больше не вмешивался, поняв, что это ее принципиальный выбор, который определит всю дальнейшую жизнь.

— Я хочу тебе кое-что сказать. Ты знаешь о пропаже свитка.

— Да, конечно, ты мне об этом говорил.

— Но сейчас я хочу поговорить с тобой о другом. Эта пропажа не может пройти бесследно.

Эльвира пристально посмотрела на отца.

— Что ты имеешь в виду? — с тревогой спросила она.

— Все, что угодно. Ставки не просто большие, они гигантские. Поэтому можно ожидать самого худшего.

— Папа! — вскочила Эльвира со своего места.

— Пожалуйста, сядь. Эмоции ничего не изменят. Помнишь наш девиз: что должно, то и случится.

— Да, папа, — упавшим голосом произнесла девушка.

— Не будем изменять ему и на этот раз. Так вот, если произойдет нечто такое, что резко изменит нашу жизнь... — Он замолчал, думая о том, должен ли называть вещи своими именами. Должен. — Если я погибну, то...

— Но папа, — прервала его Эльвира. — Ты говоришь ужасные вещи.

— Ты помнишь, я был солдатом и участвовал в войне Судного дня. Я несколько раз был в сантиметре от гибели. И сейчас я тоже не хочу закрывать глаза.

— Хорошо, говори дальше, — сдалась девушка.

Шапиро кивнул головой, словно бы говоря: так-то лучше.

— Ты сама должна решить, что тебе делать, как поступать в этом случае.

— Но как бы хотел, чтобы я поступила?

— Единственный человек из всех, на кого не падает подозрение, — это Вадим Ведев. Его не было на том заседании.

— Этот тот русский?

— Да, он живет в России, в Москве. Только он может заняться поиском свитка. А его надо найти. Я совершил грандиозную ошибку, не опубликовав этот документ. И если он попадет в руки тех, кому он не выгоден, они уничтожат его.

— Но ведь он представляют огромную историческую ценность!

— Вот поэтому и уничтожат. Если истина противоречит устоявшимся представлениям о ней, то тем хуже для истины. Увы, эта логика миллионов, а также десятков очень влиятельных

людей. И во все времена тех, кто бросал ей вызов, ждала печальная судьба.

Эльвира задумчиво посмотрела на отца. Давно они так не разговаривали.

— Но зачем эти люди так рисковали? — спросила Эльвира.

Теперь задумался Шапиро.

— Истина есть одновременно начало и окончание любого процесса. И тот, кто стремится к завершенности, не может ей пренебрегать. Он обречен на то, чтобы искать ее. В каком-то смысле это марш обреченных. Но ты не расстраивайся, — улыбнулся он, — быть обреченным вовсе не означает быть несчастным. Я никогда не чувствовал себя несчастным, хотя всегда был обреченным. На самом деле, мы единственные подлинно счастливые люди на земле. И другого счастья просто не существует. А то, что остальные принимают за счастье, всего лишь иллюзия.

— А любовь?

Шапиро молчал, вопрос дочери смутил его. Он даже не знал, как ответить. Вернее, знал, но не хотел озвучивать эти слова. Вряд ли они нужны этой очень чувствительной и страстной девушки. Год назад на палестинской территории во время небольшого военного рейда погиб ее жених. Это горе она переживала молча, но глубоко, никого не пуская на его территорию. Несколько его слабых

попыток туда проникнуть, встретили сдержанный, но твердый отпор. Но Шапиро вскоре заметил, как изменился характер Эльвиры, она стала более замкнутая, менее общительная. А иногда так глубоко погружалась в саму себя, что ему становилось тревожно. Он знал, что из такого состояния однажды можно не выйти, остаться там навсегда.

Он в полной мере разделял горечь этой утраты. Жених дочери был очень талантливый, а может быть и гениальный молодой человек с невероятно смелым, даже в чем-то безрассудным полетом мысли. И Шапиро всерьез предполагал в скором времени привлечь его к работе их общества. А впоследствии, возможно, если с этим будут согласны и остальные его члены, передать ему бразды правления. Но пуля фанатика оборвали эту блистательную жизнь. Он тогда долго размышлял о смысле этого события. Но так и не пришел к окончательному выводу. Вернее, выводов было много. Но сейчас он не собирался о них вспоминать. Его в данный момент волновала другая тема.

— Любовь — это тоже поиск истины, — мягко сказал он. — Если в ней не присутствует этого элемента, это...

Он вдруг замолчал.

— Что же это тогда, папа? — В голосе дочери

звучала настойчивость.

— Это не любовь, — закончил он фразу.

Эльвира на несколько мгновений погрузилась в раздумья. И Шапиро не сомневался, что она вспоминает своего жениха, анализирует их отношения.

Он слегка коснулся руки дочери. Ему хотелось сказать, что она непременно встретит еще любовь, настоящую любовь, но промолчал. Он знал, что после смерти жениха, она не обращала внимания на мужчин. И все попытки ухаживать за ней, отвергала с первого же мгновения, И это беспокоило его. На эту тему они обязательно поговорят, но в другой раз. Сейчас время для такого разговора еще не пришло.

Шапиро посмотрел на часы.

— Мне надо идти. Вернусь вечером. Ты все запомнила?

Девушка кивнула головой.

— Да, папа. Я все сделаю, как ты просишь.

Он встал и поцеловал девушку в лоб.

— Тогда до вечера.

Глава 3

Из окна открывался вид на прекрасный пейзаж: идеально ровную лужайку, аккуратно подстриженные кусты, на отражающий, словно

зеркало, окрестную природу пруд. Всякий раз, когда кардинал оказывался в этом замке, то всегда подолгу любовался этим видом. Он никогда не менялся, невольно порождая мысль о том, что и сто и двести лет назад окрестности выглядели точно также, как будто бы время не властно над этим местом. И в этом он усматривал знаменательную символику. В мире должен сохраняться баланс между тем, что должно постоянно изменяться, и тем, что должно оставаться неизменным всегда и при любых обстоятельствах. Именно в этом и заключается божественная премудрость. И этот основополагающий закон следует охранять всеми силами ума, души и всем остальным имеющимся в распоряжении арсеналом. Именно поэтому он здесь, среди иноверцев. Есть ценности, которые способны объединить даже непримиримых противников.

Кардинал отошел от окна и подошел к столу. Он сел на стул и посмотрел на своих коллег. Ему было нелегко решиться на этот шаг. Но теперь он не сомневаться в правильности своих действий. Да, между ними есть разногласия, подчас их взгляды диаметрально противоположны. Но есть и то, что объединяет. И это крайне важно, ибо, если они позволят однажды безответственным и безбожным элементам расшатать тот фундамент, на котором стоит все здание мира, которое выстраивалось не

одно тысячелетия огромными трудами и жертвами, это станет для всех них гигантской катастрофой. И перед этой опасностью они должны сплотиться, отбросив и переступив через все то, что может им это помешать.

Кардинал пододвинул к себе несколько листков. Согласно регламенту, сегодня вести заседание должен был он. Однако кардинал не спешил, он обдумывал каждую фразу, которую сейчас произнесет. То, ради чего они создавали организацию, как раз и происходит. И они не имеют право на ошибку.

— Друзья! — произнес кардинал. По началу ему не просто давалось выговаривать это слово, но теперь он уже привык. — Сегодня мы собрались на чрезвычайное заседание, так как ситуация резко изменилась. И нам нужно принять решение, как дальше действовать. Вы все получили подготовленный мною меморандум, а значит, в курсе последних событий. А они нас заставляют принимать срочные меры. Что вы об этом думаете? — Он внимательно, даже настороженно оглядел сидящих за столом людей.

На некоторое время повисла тишина. Все собирались с мыслями.

— Мне кажется, меморандум — это хорошо, но стоит представить события еще раз прямо сейчас. Важно не упустить ни одного нюанса, —

произнес раввин. — Вы должны понимать, что речь идет в первую очередь о моем соплеменнике и соотечественнике. И я могу дать согласие на любое кардинальное решение только, если существуют к тому веские основания. А все мы прекрасно помним, что согласно нашему уставу решения принимаются при полном консенсусе. И я считаю, что мы поступили очень мудро, приняв этот параграф.

Кардинал посмотрел на раввина. Длинный нос, острая борода, толстые губы — типичней представитель своего племени трудно представить. В душе кардинал был антисемитом, но тут не позволял даже взглядом выразить свои чувства. Впрочем, по сравнению с имамом его можно даже зачислить в юдофила, вот уж кто не ненавидит иудеев, так это он. Его антиеврейские эскапады распространяются по всему исламскому миру, питая его энергией непримиримости к Израилю. Но даже он в этом зале вполне доброжелателен к своему еврейскому коллеге. По крайней мере, с призывами извести это племя, не выступает. Общая цель способствует примирению. По крайней мере, в пределах их организации.

Кардинал перевел взгляд на имама. Тот кивнул головой.

— Я согласен с многоуважаемым раввином, — сказал он. — Давайте обсудим

ситуацию.

— Не возражаю, — подал голос епископ. Этот суровый протестант-швейцарец напоминал кардиналу его предшественника Кальвина, чей фанатизм сочетался с суровым аскетизмом. Если бы дать ему власть, думал кардинал, то он бы запретил все современные развлечения и удовольствия — от казино до Интернета, а всех противников своей веры сгноил бы в тюрьме. Такое ощущение, что он попал на их заседание прямо из Средневековья.

— Я так думаю, все согласны, — подвел итог кардинал короткому обсуждению. — Хорошо, тогда обрисую ситуацию. Вы прекрасно осведомлены, что мы давно охотимся за так называемым евангелием Симона-волхва. Или то, что выдается за него. Нам понадобилось немало времени, чтобы установить его местонахождение. Оказывается, известный вам Арон Шапиро хранил его у себя дома. При этом он долго водил нас за нос — простите за такое выражение, делая вид, что оно находится в каком-то потайном месте. И вот когда мы уже подготовил операцию по его изъятию, появились новые обстоятельства. Из подслушанного нами телефонного разговора Арона Шапиро стало известно, что документ у него украден одним из членов созданного им общества: «Альтернативного мышления». Это кража породила у Арона Шапиро желание сделать то, чего мы так

давно опасались, — в ближайшее время опубликовать это сочинение. А последствия публикации — вы все хорошо это понимаете — будут для нас крайне нежелательными. И это очень мягко сказано. Мы собрались для того, чтобы обсудить, что нам делать, и выработать решение.

— Арон Шапиро — наш враг, — решительно произнес раввин, и его глаза яростно засверкали, словно два только что включенных фонаря. — Он демонстративно не соблюдает норм нашей религии, работает в субботу. Он отвращает молодежь от иудаизма. Хотя он не афиширует эту сторону своей деятельности, но раввинату Израиля она хорошо известна. Он написал несколько книг, в которых предпринял богомерзкую попытку развенчать религию наших предков, представить ее как плод невежества, примитивизма, устарелых воззрений. И самое печальное, что его творения имели определенный успех. Немало юношей и девушек под влиянием прочитанного отошли от священных канонов. А ведь именно благодаря религии наш народ перенес все выпавшие на него испытания, сохранил свою идентичность. Но это его нисколько не останавливает. Он замахнулся на весь мир, по его инициативе было создано так называемое общество «Альтернативного мышления». Его участники и не скрывают своих намерений, они хотят кардинальным образом изменить

представления человечества о самом себе, об окружающем мире. И о Боге. И надо честно признать, что все они очень талантливые люди. И в чем-то им уже удалось преуспеть. А потому они крайне опасны. Крайне опасны. И мы не можем спокойно наблюдать за их деятельностью.

Все молча слушали эмоционального раввина, никто не прерывал его речь.

— Мы все с вами абсолютно согласны, — произнес кардинал. — И вовсе не заинтересованы в крахе иудаизма, как и всех остальных конфессий, чьи представители находятся в этом зале. Как и тех, кого тут нет. Мы выражаем общие интересы. Но нам нужно принять важные решения. Для этого я, как координатор нашей организации созвал вас.

— Мы не заинтересованы в публикации этого лжеевангелия. — подал голос епископ. — Это надо остановить любой ценой. Речь идет ни больше, ни меньше, как о подрыве главных устоев мировой цивилизации. Это будет катастрофа общечеловеческого, а может, и общевселенского масштаба. Мы не выдержим такого испытания. А потому я считаю, что для принятия самых радикальных и жестоких мер есть полное оправдание. — Епископ замолчал. При этом его лицо не отражало никаких эмоций, как будто бы речь шла о сухом математическом расчете.

— А что вы думаете, уважаемый имам? —

спросил кардинал.

Среди всех собравшихся в этой комнате, имам был самым молодым. Радикал, пламенный проповедник, яростный борец с неверными, чьи речи зажигали огромные толпы, он был тут совсем иным. Он не пытался проповедовать свои ценности, обращать в свою веру — то, чем он занимался у себя дома. Он прекрасно сознавал смысл и значение их собрания и действовал в унисон с другими. И это внушало кардиналу сдержанный оптимизм. Если такие люди способны действовать разумно, у них есть все шансы на успех.

Имам по очереди посмотрел на всех собравшихся. Его взгляд дольше, чем на других замер на раввине.

— Вы, евреи, странный народ, — усмехнулся он. — Вы много всегда говорите, но мало делаете. Ваша ненависть часто бесплодна. А ненависть — это как раз чувство, которое должно приносить особенно большие плоды. Особенно в таком деле. Этот ваш Арон Шапиро должен быть умерщвлен уже давно, а богопротивная рукопись выкрадена и уничтожена. Вы сами создали себе проблему на пустом месте. Мы бы давно ее решили. И сейчас не ломали бы голову над ней.

Раввин что-то хотел возразить, но, наткнувшись на острый, как рапира, взгляд имама, в последний миг передумал.

— У меня нет сомнений, что мы должны делать, — продолжил имам. — Этот человек заслужил смерть. Он покусился на святые основы нашей религии, на то, что ниспослал нам великой своей милостью Аллах. Мы объявляем ему джихад. Я готов предоставить своих моджахедов, каждый из них сочтет для себя величайшей честью пожертвовать своей жизни ради уничтожения нечестивца. Тот, кто совершит этот подвиг, попадет в рай. Мы должны все сделать как можно быстрее, не теряя ни одного дня.

— Спасибо, имам, за готовность предоставить нам ваших мучеников, но в этом нет необходимости. Вы не хуже меня знаете, что у нас есть, кому совершить это деяние. Итак, с вашего позволения я подведу итоги. Мы все пришли к единогласному мнению, что настала пора для самых решительных и беспощадных действий. Это требует от нас долг. Нам прискорбно сознавать, что речь идет о человеческой жизни. Но у нас нет иного выбора. Мы объединились тут для защиты священных устоев, миллиарды людей разных исповеданий даже не знают сейчас, какой угрозе подвергаются. А это угроза самая страшная на земле — неверие, отрицание божественного присутствия. Нет страшнее греха гордыни. Человек, охваченный ею, становится дьяволом. И это ничуть не преувеличение, он превращается в Сатану,

становится охваченный ненавистью ко всему, что дорого подавляющему большинству людей. А потому согласны ли вы с приговором?

Ответом ему было молчание. Но все знали, что это как раз то молчание, которое выражает согласие.

Глава 4

Кристофер Рюль прилетел в аэропорт Бен Гурион рано утром, взял такси и поехал в Иерусалим. Он был впервые в Израиле, но смотрел из окна машины на проплывающие перед ним картины незнакомой страны без всякого интереса. За свою жизнь он видел столько стран, столько городов, что они давно перестали возбуждать в нем даже самые слабые всполохи любопытства. Конечно, думал он, это не просто очередное государство, это Израиль, место, где зародились великие религии. Но это было давно, а сейчас, что осталось с тех времен, кроме развалин. Например, эти люди, которые проносились мимо него в своих машинах, какое отношение они имели к тем двенадцати евреям, которые однажды пошли за Христом? Впрочем, эта дюжина мужчин его тоже не слишком волновала; когда он был христианином, то так не обрел ни подлинной веры, ни настоящего успокоения. Ему было скучно и не интересно

смотреть и слышать и католиков, и протестантов, и православных. Он не ощущал за их душой ничего, кроме слепого следования традициям, бесконечного воспроизводства заученных одних и тех же текстов. И, когда он перешел в ислам, то по началу его душа возликовала. Он ощутил огонь того неистовства, той веры, которая могла бы его очистить. Но вскоре обнаружил, как это пламя стало в нем ослабевать. Все было тоже самое, только в другом исполнении. У одних это был слепой и тупой фанатизм, у других за внешней религиозностью скрывалось равнодушие и привычка, а у третьих, их преданность Богу маскировала коммерческий интерес.

Потом был индуизм и буддизм. Он метался по миру, пока не кончились деньги, заработанные за участие в наемнических операциях в Африке и Латинской Америке. Десять лет своей жизни он убивал, следующие десять лет каялся, пытаюсь очистить душу от налипшей на ней крови. Но в этом деле он потерпел полное фиаско, он лишь окончательно разочаровался во всем. Нет, он разочаровался не в Боге, и не в себе, а в своей возможности хоть на шаг приблизиться к нему. Когда он был христианином, мусульманином, буддистом ему снились одни и те же кошмары. И он понял, что эти смены конфессий бессмысленны для него. Он был и остается убийцей. Его миссия

воевать, стрелять в людей. И не надо сворачивать с этого пути. Если разобраться, не так уж он и страшен.

Эта правда не потрясла его, а скорей даже обрадовала и уж точно успокоила. Он смирился со своей судьбой. В конце концов, кто-то же должен быть и таким. Бог ясно указывает ему на его предназначение в мире, не позволяя примкнуть ни к одному верованию.

Иногда Кристофер размышлял о том, а во что все же он верит. И тогда к нему приходил странный ответ: он верит во все религии сразу, в которые обращался. И не важно, что их служители по большей части люди не искренние, равнодушные или фанатики; дело же не в них. Просто Бог неуловим и многогранен, в каждой религии он лишь приоткрывает свою небольшую частицу. И глупо увязнуть в какой-нибудь одной из них. Но именно потому их и следует оберегать, все они истинны хотя бы в какой-то части. А это уже немало. Без них было бы гораздо хуже, мир бы окончательно сошел бы с ума, и сотни миллионно людей просто бы удавились от отчаяния. Ведь им не нужна истина, им нужна вера в нее. А то, что эти две вещи диаметрально противоположны, мало кто замечает.

Кристофер хорошо помнил, что эти мысли водопадом обрушились на него в каком-то тесном

номере маленькой гостинце такого же маленького городка. Попал он в него случайно. Он просто ехал, без цели и смысла, так как движение приносило ему хоть какое-то облегчение от того невыносимого состояния, в котором он пребывал. И он не понимал, почему решил сделать здесь остановку. Ничего привлекательного в этом населенном пункте не было. Разбитые дороги и маленькие дома свидетельствовали о бедности и запустении. Но позже он понял, что именно это и привлекло его. Вид городка соответствовал его внутреннему состоянию. Он был такой же брошенный, никому не нужный, как и он сам. И это задержало его здесь. Он вдруг ощутил к нему родственное чувство.

Он сидел в номере и не знал, что ему делать дальше. Здесь, в этом городке он ясно осознал, что прежняя жизнь закончилась. А контуры новой даже не прорисовываются.

И тогда к нему пришла простая и ясная мысль. Он закончит здесь свою жизнь. Здесь и сейчас. Это будет логический конец всего того, что приключилось с ним за последние двадцать лет. Его жизнь вместила так много всего, что он вполне может считать себя значительно старше своих сорока лет. Формальный возраст — это такая чепуха, это для тех, кто не жил по-настоящему. У них день за день, год за год. А у него все не так, порой ему кажется, что он оставил за своей спиной

целые столетия.

И в самом деле, чего ему делать на этом свете? Продолжать скитаться по миру. Дома у него давно нет, его никто не ждет. Да и никого заводить он не хочет, он не сможет заботиться о ближнем. Одна эта мысль возбуждает в нем отвращение. Он абсолютно отвык от такого образа жизни. Жена, дети, свой домашний очаг — не для него.

Он лежал на кровати и не чувствовал никого беспокойства. Он столько раз видел смерть, он столько сам убил, что еще одно убийство, пусть даже самого себя, почти не вызывало эмоций. Он жил, пока видел хоть какой-то смысл в жизни, пусть самый ничтожный. Но и он однажды должен был исчерпать себя.

Но ему не хотелось уходить прямо сейчас. Ему было спокойно и даже приятно лежать на широкой и мягкой кровати, смотреть в потолок. Впереди его ждала ночь. И он мог хорошо выспаться. Зачем пренебрегать такими удовольствиями.

И в этот момент раздался звонок его мобильного телефона. Он даже сначала не понял, откуда поступает этот звук. Его телефон не звонил уже давно по простой причине — звонить было некому. Он даже думал его выбросить, но почему-то до сих пор это не сделал.

Разговор продолжался не меньше часа. Он не

знал, откуда этот человек так хорошо знает не только его биографию, но хорошо понимает его духовные терзания. Давно Кристофер ни с кем так не говорил, как с ним. Вернее, с этим мягким, благожелательным, спокойным голосом. И когда беседа завершилась, он снова ощутил сполна пульс жизни. И не стал дожидаться утра, а спустился вниз, отдал ключ от номера и сел в машину. И помчался по пустой в этот поздний час дороге. Больше ему было нечего делать в этом унылом, мертвом городке. Пусть он умирает, а вот он, Кристофер Рюль, снова ожил.

То событие случилось почти год назад. С тех пор благожелательный голос неоднократно звонил ему, подолгу говорил с ним, внушал определенные мысли, которые не только не вызвали в Кристофере отторжения, а наоборот, органично входили в него, как гвоздь в податливую доску.

Несколько раз ему давали какие-то задания, но они были для него пустяковые. Но он догадывался, что их единственная цель держать его в тонусе, не дать снова утонуть в болоте неопределенности, отчужденности от мира. И он был благодарен за эту ненавязчивую заботу. Он был слишком опытным человеком, чтобы не понимать, что его готовят к чему-то важному, к какой-то серьезной акции. А иначе стали бы эти люди ежемесячно переводить на его счет одну и

ту же вполне солидную сумму.

И вот этот день настал. Однажды к нему подошел неприметный человек и быстро сунул в руки конверт. Он сказал всего лишь одну фразу: «Прочтите в полном одиночестве» — и исчез.

Кристофер скрупулезно выполнил указание. Внимательно все прочитал, долго смотрел на фотографию человека. Не потому что хотел запомнить — память на лица у него была феноменальная, и оно уже надолго оттиснулось в его мозгу — его поразило само лицо. Что-то в нем было странное, необыкновенное. Он долго не мог понять. Потом решил, что более всего подходит слово отрешенность. Но совсем не та, что была у него в минуты хандры, а какая-то иная. Но дальше на эту тему он размышлять не стал, в конце концов, этот вопрос его не должен волновать. Его поручено дело, и он его выполнит.

А этот человек? Он задумался. Ему вдруг приоткрылся краешек некой реальности, смысл той задачи, что поставлена перед ним. Люди с такими лицами не должны жить, потому что они опасны. Кристофер давно убедился в том, что лица не даются случайно, они выражают по своему нечто главное, основополагающее, что несет каждый из живущих на этой гнусной планетке. А то, что нес этот мужчина, ему не понравилось с первого же взгляда...

Кристофер, как ему было велено, сжег бумаги, а сам направился покупать билет на рейс в Израиль. И вот уже машина мчит его в священный город Иерусалим.

Ему был забронирован номер в гостинице. Он бросил сумку, быстро пообедал в ресторане и вышел на улицу. Но город его не интересовал, ему глубоко наплевать на все его святые места. Не терпелось приступить к выполнению задания, он так соскучился по настоящему делу. А то, что оно сопряжено с великой целью, придавала ему совсем иной колорит. Он чувствовал свою сопричастность к великой задаче спасения мира. И это на корню могло уничтожить все сомнения, если бы они у него были.

Глава 5

Шапиро вернулся домой под вечер. Эльвира сразу заметила, что он не в лучшем настроении. Обычно, входя в квартиру, он улыбался, но на этот раз был необычно серьезен. Не говоря ни слова, прошел в комнату, сел за свой письменный стол. Он смотрел куда-то вдаль, его взгляд был абсолютно отрешенный. Таким взглядом смотрят на то, что невидимо обычному взору, подумала она.

Эльвира села рядом.

— Папа, что случилось?

Шапиро перевел взгляд не дочь. И она могла наблюдать, как возвращается взгляд отца в этот привычный мир из далеких и невидимых миров.

— Ничего особенного, — улыбнулся он. — Случилось то, к чему я давно был готов, и что представлялось мне абсолютно неизбежным. Мне предложили добровольно покинуть университет.

Эльвира похолодела. Она знала, что все к этому идет. И все же новость застала ее врасплох.

— Что же теперь будет? — растеряно проговорил она.

Отец удивленно посмотрел на нее.

— А что должно быть, ничего не будет. Вернее, буду писать книги. На самом деле, они надеются заставить меня покинуть страну. Этого они не дождутся. Это борьба не на жизнь, а на смерть. И с этим ничего не поделаешь.

— Но почему именно ты? — Эльвира давно хотела задать отцу этот вопрос, но решилась только сейчас.

— Не знаю, так предопределено. Кому что. Кому быть ортодоксом, кому бороться с ортодоксами. Вот, собственно, и весь ответ. Ты, как преподаватель истории, должна это ясно понимать. Это вечное противостояние.

Эльвира задумалась.

— Но, папа, если это противостояние вечное, тогда какой в нем смысл? Оно же ничем не

кончится. И история как раз это и доказывает. Кто-то бросает вызов устоявшимся устоям, изредка побеждает. Но через некоторое время эти новые устои приобретают твердость новой ортодоксии. И если вдуматься, то по существу она ничем не отличается от старой. Если я права, то скажи, ради чего борьба? Ради чего ты борешься?

Шапиро покачал головой и снова улыбнулся.

— На этот вопрос у меня нет ответа.

— Как нет? — удивилась девушка.

— Очень просто, нет — это значит, нет.

— Но тогда я ничего не понимаю. Ты рискуешь всем, даже жизнью. Ведь эти люди способны на все, даже на самую крайность. — Она не решилась произнести слово «убийство».

Но он ее понял.

— Я бы даже сказал, что они всегда подсознательно сориентированы на убийство. Это вселенский закон: все несогласные должны быть уничтожены. И чем человек ортодоксальней, тем сильнее в нем стремление уничтожать не согласных с ним. Если бы наши раввины получили бы безраздельную власть, все бы увидели, во что это вылилось бы. Однажды я понял, что нужно каким-то образом положить этому конец. Но только упаси боже пытаться распространить очередную доктрину о том, что не должно быть никаких доктрин. Уверяю, она будет ничуть не лучше.

— Но тогда каким способом ты хочешь противостоять им? Люди понимают в основном язык идей. И чем они проще, тем легче их осваивают. Разве не так?

Шапиро молча смотрел на дочь. Он думал о том, что он виноват перед ней. Его воспитание привело к тому, что с теми взглядами и воззрениями, что она усвоила, ей предстоит трудная жизнь. Даже женская ее судьба может сложиться не просто, где найти такого мужчину, который мог бы стать ее мужем? Увы, таких совсем немного.

— Да, ты права, — согласился Шапиро. — Именно точно такой же спор вел Симон с Христом. Но тот не поверил ему. Он пошел своим путем — и ты, как историк, должна отлично знать, каким получился кошмарным результат. Миллионы убитых, целая историческая эпоха оказалась заморожена в своем развитии. А это более тысячу лет. Да разве и сейчас лучше, сотни миллионов людей оглуплены, их мозги не в состоянии работать, так как забиты давно прогнившими идеями. И в этой ситуации вбрасывать новые идеи? Нет, это никак невозможно, с ними будут тоже самое, что с прежними. Их тоже заморозят, превратят в догмы. Когда-то это надо остановить.

— Но как, я не понимаю. — В голосе Эльвиры прозвучала грусть.

— Это все будет продолжаться очень долго.

Мы только в самом начале. Даже трудно себе представить, где этот конец. Но тебя не должно это отпугивать. Меня никогда не смущал тот факт, что я всегда понимал, что никакого результата не достигну. Это было бы слишком невероятно. Но и оставлять без ответа то, что я видел, не мог. Поэтому я и создал это общество. И ничуть не жалею. Оно дало мне надежду, что не все так ужасно в мире, что происходит конденсация зачатков нового мышления.

— Всего несколько человек из нескольких миллиардов, живущих на земле.

— Не думаю, что я сумел охватить всех, — улыбнулся Шапиро. — Но я исходил из того, что несколько человек — это все же лучше, чем их полное отсутствие. Сегодня несколько, завтра сто, а послезавтра — десятки тысяч. Да и не в количестве суть.

— А в чем же?

Шапиро вздохнул.

— Понимаешь, мне казалось, что передо мной поставлена задача. И я ее должен выполнить. Это ощущение пронзило меня еще тогда, когда я нашел тот свиток. Ведь то, что эта миссия выпала мне, было не случайно. И потом оно только укреплялось. И когда я думал об этом, у меня возникало глубокое понимание своей преимущества; я продолжаю дело Симона-волхва. Степень человеческого

заблуждения такова, что оно грозит когда-нибудь уничтожить нашу цивилизацию. Мы сейчас накопили столько могущества, что нам вполне это по силам. Во времена Симона, даже ошибки Христа и других пророков, священников приводили только к локальным катастрофам. А сегодня это может стать финалом. И кто-то обязан этому противостоять. — Шапиро о чем-то задумался. Эльвира, затаив дыхание, следила за отцом. — Видишь ли, иногда мне кажется, что я совершил ошибку. Мы чересчур тихо себя вели, стараясь особенно не привлекать внимание. Да, разумеется, мы писали статьи книги, выступали с лекциями. Иногда они имели довольно сильный резонанс. Но этого явно не достаточно. Ты права в том, что нам по большому счету ничего не удалось сдвинуть. Да мы по-настоящему и не пытались. Во многом это была игра для самих себя. В каждом из нас существовало стремление к самооправданию, вот мы и пытались закрыть эту брешь. Уж больно тяжело смотреть на то, что происходит вокруг. Нежелание людей пересматривать свои убеждения, отрываться от привычных мыслей, удручает. В этом есть что-то безнадежное. Мы считаем себя разумными существами. Но в чем проявляется наш разум? Без конца повторять одно и то же. Нет, разум это совсем другое.

— Что же?

Шапиро вздохнул.

— Мы обязательно поговорим с тобой об этом. Как жаль, что я раньше старался в наших разговорах избегать таких тем.

— Но почему, папа?

Шапиро ответил не сразу.

— Я не хотел тебя смущать. Ты и так многое слышала, многое знаешь из того, что не всем следует знать. Не все знания, как и не все лекарства полезны, все зависит от человека. Одному лекарство помогает, а другому тот же самый препарат наносит лишь вред. Но теперь мне кажется, что ты созрела для этих мыслей. Другое дело, нужны ли они тебе? Они изменяют твою жизнь кардинально. Я этого боюсь.

— Это моя жизнь, мне решать.

— Разумеется. Но мое влияние на нее может оказаться слишком сильным и пагубным. Кто может знать о своем предназначении?

— Но ты же знаешь?

Шапиро покачал головой.

— Все не столь однозначно. Я много думаю над этим вопросом. И не уверен, что до конца нашел верный ответ. Да и есть ли он? Если человек полученный ответ принимает за окончательную истину, он рискует остановиться в развитии. В том-то и проблема, что конца нет. Все постоянно меняется. А мы не успеваем за переменами.

Эльвира хотела что-то его еще спросить, но Шапиро отрицательно покачал головой.

— Наш разговор и так затянулся. За один раз всего не скажешь. У нас будет еще много возможностей поговорить. А теперь, прости, мне надо заниматься.

Глава 6

Прежде чем приступить к главному делу, следовало изучить то место, где будут развиваться события. Это было правило, от которого он никогда не отступал. И соблюдение его не раз помогало выбраться из почти безнадежных ситуаций. Вот и сейчас он решил, что нет никаких оснований для того, чтобы вести себя иначе.

Он бродил по Иерусалиму, пытаясь понять, чем живет город и его обитатели. Долго блуждал по старому городу, в храме Гроба Господня залез в пещеру, где по преданию родился Христос. Затем прикоснулся к не обжигающему огню. Однако дольше всего стоял возле стены плача. Он внимательно наблюдал за евреями в черных мрачных костюмах и длиннополых шляпах, со свисающими пейсами. Они сидели с Торой в руках, читали молитвы и, словно маятники, раскачивались из сторону в сторону.

Кристофер Рюль не отрывал от них глаз.

Особенно от одного, он делал это так самозабвенно, что создавалась полнейшая иллюзия, что весь остальной мир для него сейчас не существует.

Эти ортодоксальные евреи не вызывали у него никакой приязни. Скорей, наоборот, они казались ему экспонатами какого-то палеонтологического музея. Во время своих странствий, чтобы скоротать время, однажды он зашел в такое заведение. Он долго ходил среди скелетов динозавров, ящеров и других вымерших обитателей земли. Какого-то интереса они у него не вызвали, увиденное лишь подтверждало его убеждению в том, что в этом мире все временно и все непрочно. И ничто не способно гарантировать вечное в нем пребывание. Ни размер, ни мощь, ни ловкость. Все, кто однажды его посетил, однажды из него и уйдут. Даже если они будут властвовать в нем. Сегодня ты властитель, а завтра мертвец. Таков неумолимый, как приговор суда, закон.

Он смотрел на богомольцев и с презрением думал о том, что они и не представляют, что рядом с ним находится человек, который призван их спасти. Они-то уверены, что бесконечное чтение Торы или других религиозных книг способно уберечь их от гнева господня. Наивные, они даже не представляют, насколько беззащитны перед лицом существующей угрозы. Они никогда не сумеют противостоять ухищрениям дерзких умов,

ведь они знают только одно — бесконечное повторение одних и тех же речитативов. И напоминают младенцев, которые не могут без сосок. И если однажды отнять у них их соски, то они почувствуют себя несчастными и беспомощными. Такова плата за любую иллюзию.

Дом, в котором жил Шапиро, он нашел без труда. У Кристофера Рюля была одна особенность, в незнакомом городе ориентировался почти так же уверенно, как в городе, в котором бывал неоднократно. Достаточно ему было изучить карту, пару раз пройти по новым, улицам, как он чувствовал на них также уверенно, как будто бы здесь прошло его веселое детство.

Он знал, что все должно было произойти завтра. Поэтому чувствовал себя совершенно спокойно. Напротив дома располагалось кафе. Он занял место у окна. Помимо того, что ему удобно с этого места следить за зданием, он еще тут заодно и пообедает.

Все сложилось крайне удачно. Кристофер Рюль успел сытно пообедать, выпить чашечку ароматного кофе и даже на десерт выкурить сигарету. И едва он затушил окурок, как из подъезда показался Шапиро. Человека с таким лицом спутать было невозможно, он узнал бы его в огромной толпе. Он встал и вышел из кафе.

Кристофер Рюль шел за Шапиро на

почтительном отдалении. Впрочем, путь оказался совсем недолгим, Шапиро скрылся в здание университета. Ему же туда идти было не зачем. Он решил вернуться назад.

Следующий час был посвящен тщательному изучению местности. Кристофер Рюль твердо знал, что от качества подготовки зависит успех операции. В ней не должно быть мелочей, все должно быть предусмотрено. Даже желательно то, что предусмотреть невозможно. Но и такое случалось в его практике, когда в события вклинивались непредвиденные факторы. И только благодаря предварительно продуманным мерам удавалось избежать гибели.

Но на этот раз он не видел особых осложнений. Место было довольно малолюдное, до ближайшего полицейского поста едва ли не полкилометра. Так что все должно пройти гладко. Времени для отхода предостаточно.

Внезапно какая-то сила заставила его поднять голову. Шапиро надвигался прямо на него. Их разделяло всего с десятков метров. Это было так неожиданно, что на какие-то доли секунды Рюль потерял самообладание.

Они поравнялись, и их глаза встретились. И внезапно он ощутил какой-то удар, словно бы в его тело впился оголенный электрический провод.

Он поспешил отдалиться от мужчины. Эти

люди тысячу раз правы, этот человек представляет огромную опасность. Ему не место среди живых на земле. И он совершит справедливый приговор.

Кристофер Рюль провел замечательный вечер. Он поужинал в превосходном и дорогом ресторане, затем прогулялся по городу. Возникло желание найти на ночь женщину, но он подавил его в зародыше; это дополнительный риск. Его никто не должен запомнить в этом городе.

Проснулся он бодрым, сознание было свежим и ясным, как и погода за окном. В голове не было никаких мыслей, кроме тех, которые должны были обеспечить успех предстоящей акции. Он все прекрасно помнил, ведь вчера продумал каждый шаг, прохронометрировал каждую минуту. И теперь оставалось сущий пустяк — реализовать все это на практике.

Спокойно и с аппетитом позавтракав, он поехал к дому Шапиро. Он хорошо помнил, во сколько тот вышел из своего подъезда. А для него было крайне важным, чтобы и сегодня он бы появился в то же время. Иначе у него возникнут дополнительные сложности. А этого бы не хотелось.

Он припарковался таким образом, чтобы хорошо был виден подъезд дома. Он вышел из автомобиля и прошел в переулок. Там стояла другая машина, которую он пригнал еще вчера

поздно вечером. Именно она и должна была унести его с места преступления. Он быстро осмотрел ее и убедился, что внешне с ней все в порядке. Он мысленно усмехнулся; население в этом городе законопослушно и привержено к порядку.

Он снова сел в свою машину, на которой приехал сюда. Все это время, что он в ней находился, он не снимал тонкие белые перчатки. Ни один отпечаток пальца не должен остаться ни внутри, ни снаружи.

Шапиро вышел почти точно по расписанию. Кристофер Рюль взглянул на часы и улыбнулся. Жить этому человеку оставалось всего две минуты. А он даже об этом не догадывается, спокойно идет по тротуару, как будто впереди у него целая вечность.

Кристофер Рюль вышел из машины и пошел за ним. Место, где должно было все и случиться, он выбрал заранее. И теперь до него оставалось меньше ста метров.

И тут случилось непредвиденное — Шапиро оглянулся и посмотрел на него в упор. Он даже на секунду остановился, а его лицо приняло странное выражение. Кристофер Рюль почувствовал замешательство, уж больно странен был этот взгляд. Как будто бы его обладатель все знал наперед.

Шапиро снова направился своей дорогой. Он

шел, ничуть не увеличивая скорость. Убийца поравнялся с ним. Вокруг не было не души. Его пистолет уткнулся между лопаток жертвы. Кристофер Рюль нажал на курок. Звук выстрела погасил глушитель.

Мужчина дернулся, обернулся к убийце, их глаза встретились. Эта встреча длилась всего мгновение, но Кристофера Рюля вдруг сковал панцирь ужаса. В этом взгляде было нечто, чего он не мог постичь.

Натренированная воля быстро стряхнула оцепенение. Машина ждала его всего в десяти шагах от места убийства. Он преодолел их за считанные секунды. Еще столько же понадобилось, чтобы завести мотор и бросить автомобиль вперед. Он даже не посмотрел на лежащее на земле тело. Больше оно его не интересовало. А то, что промаха не могло быть и человек убит, он нисколько не сомневался.

Менее чем через час он прибыл в аэропорт. Миновал досмотр и сел в самолет. Он смотрел в иллюминатор, как исчезает под крылом самолета страна — и ни о чем не думал. Красивая стюардесса принесла ему бутылку виски. И теперь у него не было причин воздерживаться от выпивки.

Глава 7

Ведев вышел из кабинета ректора после долгого разговора с ним. Общение со своим руководителем удовольствия ему не доставило, по сути дела тот выдвинул ему почти не завуалированный ультиматум. Либо он, Ведев, умерит свои нападки на церковь и религию, либо... Что имелось в виду под словом «либо», тот не расшифровал. Но Ведев в этом особо и не нуждался. За последние годы ему пришлось сменить несколько учебных заведений. И хотя лекции пользовались бешеной популярностью, это лишь ускоряло его уход.

Ведев знал, что все это закономерно и даже в каком-то смысле нормально. В том мире, в каком мы живем, ни на что иное и не стоит надеяться. А потому он даже решил не огорчаться. Другое дело жена, вернее бывшая жена. Хотя прошло уже три месяца после развода и разъезда, он все еще не привык до конца к тому, что они больше не вместе. Несмотря на все увещевания самого себя, рана периодически саднила. И по этому признаку он понимал, что его отношения с этой женщиной для него еще внутренне не завершены. Он думал о том, что же их связывало и еще связывает. Дело было не в привычке, а в той духовной связи, что он чувствовал к ней. Хотя с какого-то момента эта связь оказалась односторонней, с ее стороны провода были оборваны. Сначала она испугалась,

затем отказалась последовать за ним в тот незримый мир, в который он входил все дальше и дальше. Хотя ничего страшного в нем нет, по крайней мере, с его точки зрения. Разве он виноват в том, что мир совсем не такой, каким он нам представляется с первого взгляда. Радоваться бы, что приоткрывается хотя бы краешек истины. Так нет, все просто звереют оттого, что кто-то проповедует взгляды отличные от их воззрений. Хотя никаких доказательств истинности своих убеждений они выставить на показ не в состоянии.

А может, это и к лучшему, что если он уйдет, вдруг подумалось ему. Вся эта мышьяная возня абсолютно бессмысленна. Ему их не переубедить, не победить. Давно пора прекратить преподавание, запереться в квартире, зажать затворником и заниматься лишь написанием книг. Две предыдущие имели успех и даже неожиданно принесли неплохие деньги, на которые некоторое время можно как-то перекантоваться. Правда, с его характером, с пристрастием к увеселениям и вообще к красивой жизни такой скудный режим будет выдержать не просто. И как решить эту проблему он пока не знает.

Чтобы не общаться с коллегами, Ведев сидел в пустой аудитории и размышлял над тем, как ему следует поступить. Здесь ему долго все равно не продержаться, ректор дал понять, что если он не

изменит содержание своих лекций, отставки не избежать. А содержание лекций он менять не намерен. Так что можно сделать вывод о том, что неизбежное не избежать. И все же он пока никак не мог решиться на поступок, который так настоятельно требовала сделать от него жизнь.

Он знал в себе эту черту, часто ему не хватало решительности для совершения поступка, в необходимости которого был убежден. Эти колебания всегда мучили его, много раз он обещал себе, что покончит с этой чертой своего характера, как революционеры с классовым врагом. Но пока все это оставалось в области благостных пожеланий. Вот и сейчас был уверен, что пройдет еще время, случатся немало разных событий, прежде чем он примет окончательное решение, которое и так для него очевидно.

Внезапно в аудиторию вошел молодой человек. Ведев недовольно посмотрел на него — ему не хотелось, чтобы кто-либо нарушал его одиночество, но, узнав вошедшего, изменил мнение. Это был один из лучших его студентов Станислав Кидяев. Когда он общался с этим вполне обыкновенным на вид юношей, то иногда его пронзала настоящая дрожь. Какая-то незримая связь возникала в эти моменты между ними, связь на таком глубоком уровне, что становилось даже не по себе. Анализируя свои ощущения, Ведев

приходил к выводу, что речь ни мало, ни много идет о некоей единой информационной матрице, к которой они оба подсоединены. Иначе же откуда может проистекать такое сходство мнений, чувств, суждений.

Станислав остановился возле двери, не проходя дальше в аудиторию.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — поинтересовался Ведев.

Молодой человек несколько мгновений молча смотрел на профессора.

— Вы уходите? — вдруг скорей не спрашивая, а, утверждая, сказал он.

— С чего ты взял?

Станислав пожал плечами.

— Ничего другого вам ректор не мог предложить.

— Тебе известно о разговоре с ректором?

— Да, — кивнул Станислав головой.

— И что ты об этом думаешь?

— Уходите, — спокойно, как о само собой разумеющим, ответил молодой человек.

— Но почему? — Ведеву был интересен его ответ.

— Ваши старания бесполезны. Они никогда ничего не поймут.

То, что это именно так, Ведев и не сомневался.

— Что же ты тогда делаешь в университете?

— Я уйду после вас.

Ведев нахмурился.

— Глупости, ты должен получить образование, диплом.

— Без вас здесь оставаться нет никакого смысла. А в том, чтобы слушать их чушь, смысла еще меньше. То образование, которое тут дают, это не более чем набор невежественных теорий. Зачем они мне? Только засорять мозги.

Ведев молчал.

— Ты помнишь наше обсуждение на тему: зачем нужны ошибочные теории?

— Разумеется.

— К какому выводу мы пришли?

Станислав посмотрел на него.

— Не бывает неверных теорий, если рассматривать любую теорию, как ступеньку на пути познания. Неверная теория возникает не оттого, что она неверна, а оттого, что ее наделяют чертами истинности.

— Вот видишь.

— Не думаю, что в данном случае имеет место что-нибудь подобное. Эти люди не понимают смысл пути. Их цель любым способом найти очередную остановку.

Да, он прав, подумал Ведев.

— Но я не понимаю, почему? — вдруг

спросил Станислав.

— Что почему? — не понял Ведев.

— Им так нужны остановки.

— Ощущение бесконечности надо заслужить, оно дается в награду. Тем, кто не удостоивается этой милости, нужна какая-то замена. Вот они и соскакивают с поезда, направляющего в беспредельность, на самых разных перегонах. А что им еще делать, они же панически боятся там оказаться.

— Вы ощущаете, что вы награждены? — Глаза юноши пристально смотрели на Ведева.

— Трудный вопрос, — улыбнулся он. — Это ведь очень своеобразная награда. Она не измеряется ни деньгами, ни движимым или недвижимым имуществом, ни почестями, ни даже удовольствиями. Она вообще непонятно чем измеряется. Просто ты попадаешь в иное измерение. А дальше делай с этим, что хочешь. Ты даже не знаешь, кем тебе в нем себя ощущать. Человек остается человеком пока он располагается в определенных пределах. А вот там с ним происходит нечто не совсем понятное. Он ощущает, что перестает быть человеком, но кем тогда становится? В этом и заключается загадка. Но я убежден, он не превращается в Бога. — Ведев замолчал, задумавшись. — В этом и заключалось главное заблуждение Христа, он очень сильно

ощущал зов беспредельности, но по ошибке стал идентифицировать себя с Богом. А отсюда пошли все дальнейшие неверные действия. Видишь, как одно ошибочное восприятие порождает столь грандиозные последствия. А ты не желаешь изучать ошибочные теории. Их полезность для умной личности очевидна. А вот для глупцов это крайне опасно, они часто принимают их за правду.

— Я вовсе не отрицаю необходимость их изучения, — возразил Станислав. — Но только с теми людьми, которые это понимают. Я не хочу идти на бессмысленный конфликт.

— А на осмысленный?

— Может быть, — чуть помедлил с ответом Станислав. — Но здесь это мне не грозит. У меня совсем иной путь. С вашим уходом мне тут делать нечего. И не только мне?

— И много вас таких?

— Нет, всего несколько. И то я за всех не уверен.

— Ты подожди уходить, я еще сам не решил, что уйду из университета.

— Вы все равно рано или поздно уйдете. Затем тянуть.

Это он о себе или обо мне, подумал Ведев. И вдруг небывало остро ощутил правоту своего студента. Тянуть, в самом деле, нет ни малейшего смысла. Он завтра же пойдет к ректору и подаст

заявление о своей отставки. Вряд ли тот станет его отговаривать даже для вида.

— Ты мне помог, — сказал Ведев, — спасибо тебе.

Станислав ничего не ответил, он очень серьезно, даже напряженно смотрел на него. И Ведев вдруг поймал себя на том, что пытается вспомнить, а видел ли он хоть раз улыбающимся этого своего студента.

Глава 8

Все произошло примерно так, как и предполагал Ведев. Он положил на стол ректора заявление об отставке, и ректор не стал его удерживать. Он правда выдал из себя безразличным голосом несколько слов о том, что сожалеет об его уходе, что это существенная потеря для университета. Но оба понимали, что это не более чем проявление формальной вежливости, демонстрация неписанного ритуала, который должны соблюдать два интеллигентных человека. На самом же деле все обстоит иначе, и мысли, и чувства у всех участников этой сцены совсем иные.

Он вышел из университета, как выходит узник из тюрьмы на свободу. По крайней мере, он так сказал сам себе. Но на самом деле, все было не столь благобно; хотя он гнал от себя неприятное

чувство, оно, как кошка, которую сгоняют с кровати, возвращалось вновь и вновь. Его не отпускало ощущение, что эту партию по большому счету он проиграл, он слишком быстро сдался, он поступил именно так, как от него ждали его недоброжелатели. Раньше он сильнее трепыхался, боролся несравненно более упорно. Что же с ним случилось? Возраст? Вроде еще рано, в сорок лет все только начинается. Может, он так поступил под влияние Станислава? В его убежденности он вдруг почувствовал такую силу, что ему захотелось ей подражать. Да, странный молодой человек, такой глубокий, что ему, Ведева, подчас кажется, что этот мир не для него. Он смотрит постоянно куда-то в неведомые дали, в такие далекие, что они теряются в полной неизвестности. Не случайно, у него возникло желание привлечь Станислава к работе общества «Альтернативное мышление». Кстати, что-то давно от Шапиро не приходило никаких известий.

Мысли Ведева перенеслись в Иерусалим. Во время последнего его визита Шапиро был очень грустным. Как странно, но в тамошнем университете у него были точно такие же неприятности, как у него, Ведева, тут. Хотя, что тут странного, наоборот, все абсолютно закономерно. Несмотря на внешние отличия, менталитет у людей везде одинаков. Именно об этом они тогда

говорили с ним, вернее, спорили. У них возникла тема богоизбранничества еврейского народа. Как ни странно, Шапиро, будучи евреем богоизбранничества отрицал, а он чистокровный русский настаивал на истинности этого утверждения. Он тогда доказывал, что единобожие — самая великая идея из всех существующих на земле. А потому ее носители обречены на сильнейшие гонения и великие жертвы.

Как жаль, что им не удалось договорить, он должен был возвращаться срочно в Москву, его ждал развод с женой, который нельзя было пропустить. Теперь ему это представляется сущей глупостью. Ну, не развелись бы тогда, развелись бы месяцем позже, разницы никакой. Их семейная жизнь все равно уже разрушилась. И восстановлению не подлежит, как разбитый вдребезги кувшин.

А почему бы ему не отметить свою вновь обретенную свободу походом в ночной клуб? Снять женщину, позаниматься любовью. Он уже больше месяца постится, словно монах. А при его темпераменте — это сродни боевому подвигу. Наверное, жена правильно сделала, что не стала терпеть его измены. С ее житейской точки зрения он явно превысил их лимит, на который было рассчитано ее терпение. А его философию любви она никогда не воспринимала, даже на

первоначальной стадии их отношений, а в конце их совместной жизни так просто возненавидела.

Ведев вдруг прибодрился. Все же уход из университета отрицательно сказался на его эмоциональном состоянии. И ему срочно нужно подзарядится положительными эмоциями. И желательно в приличном количестве, чтобы надолго хватило.

Он почувствовал, как засевшая тяжесть в груди ослабла. Она еще не исчезла совсем, но уже не так давила на сознание. Какая все же это хрупкая и неустойчивая конструкция — человек. Любой пустяк способен ввергнуть его в отчаяние, бросить в объятия ощущению, что жизнь кончилась. И точно такой же пустячок — возродить надежду, что впереди еще много чего хорошего. А то и просто сделать счастливым.

Ведев углубился в размышления. В такие минуты он так глубоко уходил в себя, что окружающий мир переставал для него существовать. Жена всегда боялась этих его, как она их называла, транскосмических состояний и всячески пыталась его выводить из них. И, в общем, обоснованно, пару раз он впадал в транс, находясь за рулем. И, как считал он сам, только провидение избавило его от страшной аварии. Но именно в такие минуты он получал настоящие озарения. И тогда думал, что они стоят того, чтобы

подвергаться такому риску. А вот тот с кем ничего подобного не происходит, по-настоящему обделен, хотя и не подвергает свою драгоценную жизнь никакой угрозе. Так уж устроено, что в соответствии с законом равновесия мироздания за все приходится платить. Евреям за богоизбранность, ему — за свои откровения. Но пока у него есть сильное ощущение, что предъявление ему настоящей цены еще впереди. Не случайно же его так оберегают даже в таких ситуациях, когда так и кажется, что гибель неминуема. А у него ни царапинки. Что же его в таком случае ждет?

Глава 9

Поздно вечером Ведев подъехал к ночному клубу. Его в основном посещало молодежь, конечно, не шестнадцатилетки, но все же юноши и девушки на порядок моложе его. Можно сказать, другое поколение, которое идет следом за ним. Но это его нисколько не смущало. Во-первых, будучи до самого недавнего времени преподавателем, он привык иметь дело с теми, кто моложе его. А, во-вторых, понятие молодости и старости весьма условное, он давно был убежден, что каждый человек достигает определенного психологического возраста — и больше не стареет. Разумеется, тело и

поверхностный пласт сознания подвергается изменениям согласно природному календарю. Но это лишь одно русло течения событий. И есть внутренний возраст, который он называл возрастом духовной зрелости. И за этот рубеж никто практически выйти не может. Свой возраст зрелости он определил в 35 лет. Это был тот круг, в котором он будет крутиться до конца своих дней. И, надо сказать, ему нравился этот возрастной ценз, он находился ровно посередине жизненной реки, на примерно равном отдалении от рождения и смерти, между двумя экстремальными периодами — молодостью и старостью. А эти два диаметрально противоположных состояний максимально искажают восприятие мира. А вот для его работы положение, что он занимает, является наиболее оптимальным.

Он сидел за столиком, потягивал свой любимый напиток — мартини с апельсиновым соком. Он смотрел на девушек, выискивая ту, которая станет для него единственной на данную ночь.

Он знал, кого он ищет, но пока вокруг него таких девушек он не видел. Такие неудачи случались, обычно он только подсмеивался над ними, но сегодня у него было иное настроение, оставаться одному было тяжело, он нуждался в ком-то. Ведев понимал, что это желание чересчур

эгоистическое, но, в конце концов, он собирался, по крайней мере, внешне отдать ничуть не меньше, чем взять. Он всегда старался следить за равновесием, будучи убежденным, что это самый прямой и оптимальный путь к счастью. Сейчас же ощущал, что внутри него оно нарушилось. И это вызывало сильный дискомфорт.

Чтобы ослабить его, Ведев перешел на более крепкие напитки. Обычно он старался себя ограничивать, помня, что находится за рулем. Но сегодня был явно не тот случай. Хотя он и сознавал, что поступает неосмотрительно, так как теряет контроль над собой, поддается напору отрицательных эмоций. А они могут далеко его завести.

Он уже хотел опрокинуть в себя рюмку с коньяком, как вдруг заметил ту, которую он искал. Девушка лет двадцати-двадцати двух, невысокая, но уж и не такая маленькая. У нее было именно такое лицо, какое он хотел встретить. То, что оно было вполне милое, это было важное, но не главное условие. Оно было отмечено печатью какой-то грустной задумчивости. И контрастировала с окружающими лицами. Ее обладательница то и дело смотрела по сторонам, словно бы ища кого-то. «Я знаю, кого она ищет сегодня, сегодня она ищет меня» — сказал сам себе Ведев.

Их взгляды встретились. И ему все стало ясно.

Попалась, птичка, подумал он.

Кажется, она была с подругой, но это уже не имело никакого значения. Он взял не выпитую рюмку коньяка и направился к их столику.

— Можно к вам подсесть? — спросил он.

Ее подруга недовольно посмотрела на него; с ее точки зрения он был явно староват. Но та, ради которой он подошел к ним, приветливо улыбнулась.

— Конечно, мы рады.

Она сказала: «Мы рады». Но эта фраза явно относилась только к ней.

Ведев приблизился к девушке.

— Я подсел к вам, чтобы спросить: вы верите в судьбу? — поинтересовался он.

— Только для этого? — В голосе девушке послышалось разочарование.

Он улыбнулся.

— Но это самый главный вопрос.

— Почему?

— Тот, кто верит в судьбу, имеет больше шансов прожить жизнь счастливо, потому что все, что с ним происходит, он воспринимает, как естественный ход событий. А тот, кто в нее не верит, проводить жизнь в бессмысленной борьбе с обстоятельствами. Он не собирает силы, а их растрчивает. Если хотя бы одна страничка из книги вашей и моей судеб говорит о том, чтобы провести эту ночь вместе, так нужно принять ее в

том виде, как там написано. И тогда каждый из нас получит максимально возможный результат. И будет счастлив.

— На одну ночь?

— Счастье не имеет временных параметров, любой из них губителен для него. Потому что счастье — это и есть подчинение судьбе, а не выгадывание у нее преимуществ. Вы понимаете меня? — Ведев наклонился к ней и заглянул ей глаза.

— Вы так уверенно обо всем говорите, — ответила она, но не отодвинулась. Девушка задумалась. — Но какой смысл в счастье на одну ночь?

— Счастье — это сигнал во Вселенную, что мир стал лучше. Разве вы не хотите послать такой сигнал, который дойдет до самых отдаленных ее уголков?

Лоб девушки покрылся складками, свидетельствующими об интенсивной умственной деятельности.

— Но что я получу оттого, что пошлю сигнал? Ведев снисходительно улыбнулся.

— Ничего.

— Но тогда зачем его посылать?

А он в ней не ошибся, отметил Ведев. Другая бы давно прекратила этот бессмысленный разговор, а у этой интерес к нему только усиливается.

— Жизнь каждого человека подчинена задачам Вселенной. По сути дела она и состоит из бесконечного количества таких сигналов, которые мы туда посылаем. Но одни сигналы лишь загрязняют Вселенную, делает ее еще более озлобленной, а другие очищают, делают ее более ясной и спокойной. Вот вы что предпочитаете?

Ее подруга, которая слушала с ее точки зрения очевидный бред, внезапно с нескрываемой злостью произнесла:

— Пересядем, это сумасшедший, мне говорили, что тут такие попадают. Или маньяк.

Она потянула девушку за собой, но та воспротивилась.

— Я попозже приду.

— Как хочешь? — Подруга направилась в другой конец зала и быстро там затерялась.

— Никогда не думала в таком ключе, — призналась девушка. И вдруг подозрительно посмотрела на него. — Но зачем вы мне все это говорите?

— Я хочу сегодня ночью послать во Вселенную сигнал счастья. А для этого нужны мне вы.

— А завтра вам не нужно будет посылать во Вселенную сигнал счастья?

— Нужно.

— А для этого я вам уже не понадобится?

— Отвечу честно, эту страницу своей книги судьбы я еще не прочел.

— Но я даже не знаю, как вас зовут?

— Как меня зовут. Хорошо, я вам скажу, но не сейчас. А в самом конце нашей встречи. Если вас к тому моменту еще будет интересовать мое имя.

Девушка внимательно посмотрела на него.

— Я так понимаю, вы хотите со мной переспать. А я не привыкла это делать с человеком, имя которого я не знаю.

«Сказать мое имя»? — подумал Ведев. И понял, что не скажет. Иначе сразу же нарушится вся игра, какой бы мелкой она и не была. Он должен ее убедить переспать с ней, не представляясь. Тогда это будет хоть какой-то, но победой.

— Что изменится оттого, что вы узнаете мое имя, а я ваше. Это не сблизит нас.

— А что сблизит? — резонно спросила девушка.

— Если мы кончим с вами вместе. Единый оргазм создает особенно сильный очищающий импульс. Вся Вселенная словно вздрагивает.

— Вы это все серьезно? — недоверчиво поинтересовалась она.

— Абсолютно. Я не только в это верю, я в этом не сомневаюсь. Послушайте, — Ведев приблизился к ней. — не думаете же вы, что весь

этот механизм был сотворен исключительно для получения людьми небольшого удовольствия.

Девушка нахмурила лоб.

— А для чего же тогда?

— Космос нуждается в постоянном обновлении, в притоке новой очищающей энергии. И задача живущих на этой планете людей ему ее регулярно поставлять в нужном количестве.

Она вдруг усмехнулась.

— Не смешите, что ему наша энергия. Он такой громадный.

А она не так уж и глупа, отметил Ведев. Как я буду парировать этот выпад? Послушаем.

— Но вы не учитываете, что на земле миллиарды людей. Представьте, сколько из них каждой ночью занимаются любовью. Суммируйте этот эффект и тогда поймете, какой мощный импульс посылается в космические просторы с нашей планеты.

Теперь девушка задумалась.

— Но если столько людей будут этой ночью посылать сигналы в космос, ничего с ним не случится, если он обойдется без нашего сигнала. На общем фоне он такой слабенький.

Да, она почти загнала меня в угол, не без оттенка восхищения подумал Ведев. Твой ход, парень.

— А страница книги судьбы. Каждый должен

выполнить свой долг, не заслоняться чужими спинами.

Она неожиданно весело засмеялась. Он удивленно взглянул на нее.

— Я представила эту картину, как мы заслоняемся чужими спинами, — пояснила она. — Я знаю, что вы говорите полную ерунду, но мне почему-то нравится то, что вы говорите, — вдруг проговорила девушка. — С вами интересно. Такого я еще ни от кого не слышала.

— У вас есть счастливая возможность услышать еще и не такое.

— Я тоже так думаю, — спокойно согласилась она.

— Значит, едем?

— Да, я давно согласна, — улыбнулась она.

Ведев вдруг почувствовал себя так, словно бы получил небольшой удар по лбу. Его вечная беда в том, что он чересчур самонадеян.

— Едем, — сказал он.

Они двинулись к выходу.

— А вам не надо попроситься с подругой? — сам не зная, зачем спросил он.

— Вовсе нет, — махнула девушка рукой. — Ей не до меня.

Обнявшись, они вышли из здания клуба на улицу.

Глава 10

Эльвира прилетела в Москву рано утром. После палестинской жары весенняя русская столица обдала ее просто ледяным холодом. И хотя вокруг люди ходили в пиджаках и кофтах, ей захотелось натянуть на себя зимнее пальто. Она приняла приглашение первого же попавшего ей таксиста, и даже не обратила внимания на объявленную им цену. Сейчас ей было не до таких мелочей, хотелось лишь согреться в машине.

В самолете Эльвира почти не спала. И едва согревшись, стала мечтать о кровати, на которой можно растянуться. Но когда она доберется до нее? И где та постель, которая ее ждет. В этом чужом городе она не знает никого и не знает ничего. Конечно, можно попросить привести шофера в любую гостиницу и там вдоволь выспаться. Но почему-то ей хотелось, как можно скорей увидеть этого Ведева. Это ее долг перед отцом, он так просил его разыскать. Но вот что будет дальше, после того, как они встретятся, девушка не представляла. Она вообще не знала, что ей делать дальше. После кошмарных дней, когда отца нашли мертвым недалеко от дома, она ощущала себя растерянной и опустошенной. Рухнул привычный мир, а контуры нового пока даже не маячил вдали. Она не представляла не только, что ей делать

сейчас, но и как жить.

Почему-то подсознательно она надеялась, что этот незнакомый ей человек поможет снова обрести почву под ногами. На чем опирались эти надежды, Эльвира и сама не знала. Это было на уровне неясных ощущений. Ведь должен же кто-то ей помочь.

Об этом она думала, когда собиралась в дорогу, об этом же она думала и когда летела в ночном небе. И об этом же она думала и сейчас, когда ехала по утреннему городу. Сам по себе он ее сейчас мало интересовал. Может быть, потом, когда она вернет себе уверенность и бодрость духа в ней проснется природное любопытство, заставляющее ее посещать самые экзотические и труднодоступные места, где зачастую не ступала нога туриста. Но если это случится, то случится потом, а пока...

На удачу шофер довольно терпимо говорил по-английски. И Эльвира прочитала по бумажке адрес. Тот кивнул головой и сказал, что им еще ехать полчаса.

Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Почему-то в ее воображение возник отец, хотя она этого не хотела. Слишком тяжело ей становилось всякий раз, когда это происходило. А происходило часто. Словно бы разворачивался фильм, в котором он появлялся таким, каким она

помнила его в детстве и до самого последнего дня. А в ее ушах вдруг начинал звучать его голос. Да так отчетливо, что иногда ей казалось, что он рядом и разговаривает с ней.

В такие минуты Эльвира думала о том, что отец никогда не верил в смерть. И много раз говорил ей, что вера в смерть — это главный признак полной невежественности человечества. Если человек откуда-то приходит, значит, туда же он и уходит. Умирают лишь временные носители жизни, а не сама жизнь.

Эльвира всегда была внутренне согласна с этим суждением, но сейчас у нее появились сомнения. Даже если отец жив, что толку в этом для нее, ведь он все равно недоступен. А ей так хочется поговорить с ним, почувствовать тепло его тела, услышать тембр голоса. Но та самая смерть, которая не существует, навсегда лишила ее этой возможности. Значит, все-таки она есть, раз способна уносить с собой любимого человека.

Эльвира знала, что это мнение не получило бы одобрение отца. Но она ненавидела смерть за то, что отняла его. А нельзя же ненавидеть то, чего не существует.

Внезапно она очнулась от своих печальных грез, оказывается, таксист крепко держал ее за руку. Эльвира открыла глаза и посмотрела на него.

— Вам плохо, нужен врач? — спросил шофер.

Эльвира вернулась в привычный мир.

— Нет, спасибо, — постаралась твердым голосом ответить она. И увидела, как мгновенно обрадовался таксист.

— В таком случае мы приехали. С вас... — назвал он сумму.

Эльвира из сумочки покорно достала кошелек.

Глава 11

Ночь оправдала его ожидания, девушка оказалась искусной любовницей. К тому же в промежутках с ней можно было вполне нормально разговаривать, не прибегая к языку для идиотов, как называл его Ведев. Такая удача выпадала ему крайне редко, и к нему даже пару раз, словно юркая мышка, забегала мысль: а не сделать ли новую свою знакомую своей постоянной наложницей? Впрочем, он знал, что эта почетная роль ей предложена не будет, все же эта не та женщина, которая может остановить его внимание. И все-таки он был ей благодарен, она помогла окончательно справиться с надвигающейся депрессией.

Они сладко спали после бурно проведенной ночи, когда в создание Ведева вломился звук звонка. Меньше всего на свете ему хотелось встать и идти кому-то открывать дверь. Он повернулся на другой бок и почти мгновенно

заснул.

Но когда звон повторился в пятый, а может и в шестой раз, Ведев чертыхнулся, на голое тело надел халат и пошел открывать.

На пороге стояла незнакомая девушка. В ее ногах стояла большая дорожная сумка.

— Вы господин Ведев? — спросила девушка по-английски.

— Да, это я, — тоже по-английски ответил он.

— Тогда я к вам.

— Ко мне? — почувствовал он растерянность. Куда ее девать. Не предлагать же пройти в комнату, где спит обнаженная девушка. Вот ситуация.

— Я рад, что вы ко мне, — пробормотал он. — Но я даже не знаю, кто вы?

— Ах да, извините, так получилось, что когда вы приезжали к нам, меня не было дома. Я — Эльвира, дочь Арона Шапиро.

— Ах, вот как! — Теперь хоть что-то ясно, подумал он. Но не все. — Но что побудило вас сюда приехать?

— Разве вы не в курсе? — удивилась Эльвира.

— В курсе чего?

— Моего отца убили.

Что-то оборвалось внутри Ведева.

— Где? Когда?

— Десять дней назад, недалеко от дома.

Внезапно за спиной Ведева раздалися шаги.

Он обернулся; его ночная возлюбленная стояла, в чем мать родила и с интересом разглядывала гостя. Та отвечала ей изумленным взглядом.

— Извините, я не вовремя, — густо покраснев, пробормотала Эльвира. Она быстро подняла сумку и пошла к лифту.

Ведев не успел среагировать, как открывшаяся кабинка лифта поглотила пришлицу. Только после этого он по-настоящему очнулся и бросился вниз по лестнице.

Само собой разумеется, что в соревнование человека и машины лифт опередил его. И когда Ведев спустился на первый этаж, тот давно был внизу. Ведев выскочил из дома и увидел, что Эльвира уже успела отдалиться от него на приличное расстояние.

Ему ничего не оставалось делать, как только помчаться за ней. Народу на улице было много, и все с изумлением смотрели на мужчину в тапках и халате, полы которого при беге, словно крылья, взлетали вверх, показывая всем места, которые обычно принято скрывать. По крайней мере, в культурном обществе.

Ведев, наконец, догнал девушку и схватил ее за руку.

— Эльвира, подождите. Не уходите. Вы же приехали ко мне. Так ко мне и пойдете.

— Но вы же не один, — возразила

девушка. — Извините меня, я совсем не подумала. Я должна была предупредить вас о своем прибытии.

— Должны, не должны, какая теперь разница. Все уже свершилось. Поэтому пойдете. К тому же мне неудобно в таком виде стоять посреди улицы.

Эльвира взглянула на него и невольно улыбнулась. По-видимому, этот аргумент ей показался весьма убедительным, потому что она согласилась.

— Пойдете. Но вы уверены...

— Уверен, уверен. Лучше давайте я понесу сумку. — Он почти отнял сумку у нее и чуть не уронил — она оказалась очень тяжелой. — Что за там такое, кирпичи?

— Мои вещи. Я же не знаю, надолго ли уехала из дома.

Они вернулись в квартиру. Девушка еще не ушла, однако была уже одетой. И, судя по ее виду, никаких претензий по поводу поведения своего любовника предъявлять не собиралась.

Несколько мгновений обе девушки с интересом разглядывали друг друга. Затем ночная подруга Ведева помахала ему рукой.

— Все было отлично. Он великолепный любовник. Рекомендую, — сказала она Эльвире и вышла из квартиры.

Дверь за ней затворилась. Они остались одни.

И сразу же между ними образовалась неловкость. Ведев вдруг вспомнил о своем неподобающем к такому случаю наряде.

— Извините, меня я сейчас переоденусь. А вы проходите в комнату и располагайтесь, где понравится.

— Спасибо, — сдержанно ответила Эльвира.

Когда Ведев вошел в комнату, девушка сидела на стуле с идеально прямой спиной и смотрела перед собой. Он расположился напротив нее. Почему-то он испытывал смущение в ее обществе. Может от того, что уж слишком она выглядела серьезной.

— Давайте я вас покормлю, — предложил он.

— Нет, спасибо, я не хочу, — ответила Эльвира. — Я к вам приехала исключительно по делу. По просьбе отца.

— Я понимаю. Но как все произошло? Извините, я не подумал, может быть, этот вопрос для вас слишком тяжел.

Эльвира едва заметно пожала.

— Нет, ничего. Я готова отвечать на любые ваши вопросы. Папу застрелили на улице возле дома. Вы хотите спросить, кто? Полиция не установила преступника.

— Этого и следовало ожидать, — пробормотал Ведев.

— Но папа предчувствовал, что такое может

случиться. Именно поэтому я и здесь. Он просил, если что-то произойдет с ним, чтобы я нашла вас.

— Чем же я могу помочь?

Эльвира сделалась еще серьезней.

— Незадолго до гибели отца в нашем доме собирались члены общества нового мышления. Только вы не приехали.

— Я не смог. — Ведев вспомнил, как раз их сбор пришелся на дату его развода. И он предпочел его не откладывать — и отказался от поездки. Но он решил, что Эльвире знать такие подробности вовсе не обязательно.

— Именно поэтому на вас и не падает подозрение, — вдруг заявила его гостья.

— И в чем меня не подозревают? — удивился Ведев.

— Тогда пропал свиток с текстом Симона-вохва.

Ведев едва не подскочил на стуле.

— Свиток пропал? — взволнованно переспросил он.

— Отец обнаружил это после того, как все разъехались.

— Это серьезно, — пробормотал Ведев. — Но что я могу сделать, у меня реликвии нет.

Эльвира несколько секунд хранила молчание.

— Отец просил вас ее найти.

— Найти? Но как?

Эльвира лишь посмотрела на него, но ничего не ответила. Почему-то Ведев почувствовал нечто вроде стыда.

— Эти люди разбросаны по всему миру. У меня даже и пятой части нет нужной суммой для таких путешествий.

— Деньги есть, — невозмутимо сказала Эльвира. — Папа оставил специально для этих целей. Вам хватит.

Арон, кажется, все предусмотрел, подумал Ведев. Он задумался. Да, событие из вон выходящих. Публикация этого свитка может вызвать в мире самое настоящее общественное цунами. Но заинтересованы ли в этом те, кто его украли, совсем не исключено, что они хотят прямо противоположного, чтобы эта древняя рукопись никогда не увидела бы свет. И тогда мир лишится важнейшей для себя информации, которая перевернет его представления об одной из самых фундаментальных исторических фигур. И это будет еще ужасней. Но кто может поручиться, что пергамент уже не превратился в небольшую грудку пепла.

Ведев ощутил растерянность, он не знал, как себя вести. что ответить этой строго смотрящей на него девушки. А ведь она по-своему даже очень красива, отметил он. По крайней мере, большого желания отправляться на поиски свитка он в

данный момент не испытывает. У него были свои планы на ближайшее время.

— Давайте не будем спешить с ответом, — предложил Ведев. — Вопрос не простой.

По ее лицу он видел, что его слова не удовлетворили Эльвиру.

— А мне кажется, вопрос вполне простой, — произнесла она. Эльвира вдруг встала.

— Вы куда? — удивился Ведев.

— Простите, что отняла у вас столько времени. Я пойду.

Ведев почувствовал что-то вроде замешательства.

— Но куда вы пойдете, вы же тут никого не знаете.

— Это не важно. Если вы не хотите выполнить поручение отца, этим займусь я. До свидания.

Она направилась к выходу. Ведев вскочил со стула и встал на ее пути.

— Да, подождите, нельзя же все решать так стремительно. Речь идет не о покупке пирожков. Вы останетесь у меня до завтрашнего утра. А завтра решим, что будет дальше.

С этой особой надо поступать решительно, понял Ведев. Не спрашивая ее разрешения, он вновь взял из ее рук чемодан.

— Садитесь на прежнее место, мы скоро с

вами будем завтракать, — приказал он.

Глава 12

Вечером Ведев уговорил Эльвиру прогуляться по Москве. Именно уговорил, потому, что в ответ на его предложение это сделать, она почти никак не отреагировала. Если не считать долгого взгляда с непонятным ему выражением лица, который она его удостоила.

Ведев внезапно ощутил прилив раздражения; эта девушка вызывала в нем всплеск отрицательных эмоций. Трудно понять, о чем она думает, что хочет, непроницаема и неприступна, как скала. Понятно, что у нее горе, но прошло уже некоторое время, пора бы немного и оттаять.

Как она провела весь день, он не знал, так как все это время не был дома. И лишь мог только гадать на сей счет. По крайней мере, рядом с ней на диване лежали несколько книг. Они были на иврите, а этим языком он не владел. Поэтому он даже не мог определить, что она читает.

Ведев решил из чистого упрямства уговорить ее совершить прогулку. С его точки зрения ее поведение было непостижимо; впервые попав в незнакомый город, да еще такой, но при этом не испытывать никакого желания познакомиться с ним поближе. Он в этом плане был всегда крайне

любопытен, и мог часами бродить по чужим и незнакомым улицам.

На уговоры Ведев потратил полчаса. Но все же сломил ее упорство. И еще через полчаса они выехали из дома. Он доехал до центра, припарковал машину и предложил своей спутнице дальше продолжить обзор пешком. Она не возражала. Впрочем, он почему-то подумал, что он Ане стал бы возражать, если бы они дальше направились бы и на слонах.

Они уже довольно долго блуждали по улицам. Разговор не клеился, лишь изредка они обменивались репликами. В основном это происходило так; Ведев показывал ей на очередную достопримечательность, коротко рассказывал о ней, Эльвира вежливо разглядывала ее полминуты и благодарила за комментарии.

С какого-то момента он стал чувствовать, что все сильнее начинает уставать от своей спутницы. Но что ему делать с ней дальше он не очень представлял.

Ответ подсказал желудок; он ощутил, что проголодался. И тут же с радостью предложил Эльвире где-нибудь поужинать. Она, не раздумывая, согласилась, но ему почему-то показалось, что меньше всего на свете ее интересовала еда.

Ведеву были известны несколько уютных

местечек. В одно из них он и привел девушку. Ресторан носил громкое название «Фрейд». Меню были разукрашены весьма пикантными рисунками. Он не без любопытства наблюдал за Эльвирой, но она никак не отреагировала на эти картинки. Кажется, ей было все равно. Может быть, ей вообще все человеческое чуждо, заползла в его голову странная мысль.

— Что будете есть и пить? — спросил Ведев.

Эльвира отложила меню.

— Мне все равно. Закажите, что пожелаете. Я заранее согласна.

— Хорошо, — согласился он. Настаивать на каком-то другом варианте ему не хотелось.

Ведева даже немного удивило то, что она ела, если не с аппетитом, то без явного отвращения. По крайней мере, хотя бы одна вполне человеческая черта ей не чужда. Если она еще и ходит в туалет, то ее вполне можно признать за человека, немного решил повеселить себя он. Это был единственный способ хоть как-то улучшить настроение, такого скучного вечера он давно не проводил.

Внезапно девушка прервала еду на середине.

— Я хочу кое о чем вас расспросить, — сказала она.

— Я весь во внимание, — тотчас же отреагировал он. Наконец-то есть шанс, что у них завяжется хоть какой-то разговор.

— Я хочу понять, чем занимался отец? И что ценного в украденном свитке?

Вопрос Эльвиры удивил Ведева.

— Вы разве не знаете, чем занимался ваш отец?

— И знаю и не знаю. Он старался держать меня в стороне от своих дел ради моей безопасности. В Израиле выступить против иудаизма весьма рискованно. Там много тех, кто готов за это убить. Впрочем, я понимаю, что отец задумал что-то более широкое. Однажды он даже сказал, что хочет изменить мир. И добавил: только не уверен, пойдет ли это ему на пользу?

Ведев задумчиво молчал. Эти вопросы не вызвали в нем прилива энтузиазма. Он сам только что пострадал из-за своего ничем не ограниченного свободомыслия. И куда их заведет обсуждение этой темы? По своему опыту он знает, что если начать идти по этой тропе, ее конца никогда не увидеть.

— Вы уверены, что хотите действительно это знать? — на всякий случай решил уточнить он.

— Да, — твердо и решительно ответила Эльвира. — Иначе я бы не спрашивала. Но если вы не хотите говорить на эту тему, я не настаиваю, — на этот раз с вызовом произнесла она.

Да, эта девица не подарок, с тоской подумал Ведев. Можно только посочувствовать ее будущему мужу, ему предстоят нелегкие испытания.

— Не вижу причин не говорить на эту тему, раз вы хотите знать. Но предупреждаю, это очень взрывоопасная тема. Может быть, самая взрывоопасная тема, которую я знаю.

— Мне кажется, после того, что случилось с отцом, мне уже ничего не страшно.

Ведев неодобрительно покачал головой.

— Это вы говорите, сидя в этом уютном ресторанчике, где вам ничего не угрожает. Но если вам будет грозить настоящая опасность, вы будете ощущать себя по иному.

— Может быть, — спокойно согласилась Эльвира. — Но сейчас я чувствую так, а не иначе.

— Хорошо, тогда начнем. Только давайте для затравки выпьем. Не возражаете?

Девушка никак не отреагировала на его слова. И раз возражений не последовало, Ведев разлил вино по бокалам. И поднял свой.

— Светлой памяти вашего отца, — провозгласил он тост.

Эльвира последовала его примеру, и они выпили.

— С чего же начать? — задумчиво произнес Ведев.

— Начните с общества, — подсказала девушка. — Зачем оно возникло?

— Видите ли, мы привыкли смотреть на мир с определенной точки зрения, считать, что он устроен

и действует определенным образом. Это мировоззрение так прочно сидит в нас, что всякое сомнение именно в таком, а не каком-то ином мироустройстве воспринимается как нечто вроде сумасшествия.

— Раньше это называлось ересь, — перебила Эльвира.

— В общем, да. Но все же, думаю, это не ересь.

— Что же тогда?

Ведев невольно вздохнул. Ему хотелось на некоторое время позабыть обо всех этих воззрениях и пожить жизнью обыкновенного человека. Дело заключалось в том, что ему она нравилась, он находил в ней немало привлекательных черт. А эта особа ему это не дает, опять заставляет предаваться размышлениям.

— И все же это не ересь.

— Что же тогда?

— Совсем другое мировиденье. Ересь обычно касалась частного при согласии с целым, А тут речь шла именно о целом. Арон, то есть ваш отец, остро ощущал всю глубину ошибочности наших представлений о мирозданье.

— А вы? — Глаза Эльвиры смотрели на нее в упор.

— Думаю, я — тоже. Иначе он бы не привлек меня в свой кружок. Он искал таких людей по

всему белому свету, он нуждался в единомышленниках.

— Но в таком случае получается, что отец что-то собирался предпринять. Иначе, зачем ему были нужны вы и остальные.

— Не могу сказать ничего определенного, план каких-либо действий он со мной не обсуждал. — Ведев ненадолго задумался. — Хотя не исключаю, что он действительно к чему-то готовился. Во время нашей последней встречи он на что-то намекал. Но я не очень его внимательно слушал.

— Почему?

Вот нашелся на его голову прокурор, пронеслась в его голове мысль.

— В тот момент я был занят свои личными делами. — Он посмотрел на Эльвиру и по ее взгляду понял, что она ждет более детальных объяснений. — У меня начались не лады с женой. И я был довольно сильно погружен в эти переживания. Понимаю, что это весьма плохо меня характеризует, ведь речь шла о фундаментальных вопросах нашего земного бытия. Но из песни слов не выкинешь, тогда меня больше занимали именно эти мелкие неурядицы.

Однако Эльвира никак не реагировала на его ироничную ремарку. Ее явно больше интересовали совсем другие вопросы.

— И все же я не совсем понимаю, чего добивался отец? — сказала она. — Это так все обще.

— Ну, хорошо, давайте поговорим конкретней, — согласился Ведев. — Он уже понял, что уклониться от разговора не удастся. Но главное, что беспокоило его, к каким последствиям это приведет? — Ваш отец полагал, что пока в мире господствуют три основных религии: иудаизм, христианство и ислам, он не сделает ни единого шага вперед. Он считал эти конфессии — главные мировые заповедники заблуждений. И не исключая, что он хотел нанести по ним сокрушительный удар.

Ведев замолчал, молчала и Эльвира.

— А вы тоже придерживаетесь этой позиции? — вдруг спросила она.

Он посмотрел на нее.

— Иначе я бы не оказался в обществе вашего отца.

— Я так и полагала, — голосом, лишенным всяких интонаций произнесла она. — Но каким образом он хотел нанести удар по этим твердыням?

— Могу только предположить, скорей всего с помощью того самого свитка.

— Симона-волхва? — уточнила девушка.

— Да.

— Отец так и не позволил мне его

прочеть. — Теперь в голосе Эльвиры прозвучало огорчение.

— Полагаю, он вас оберегал. Он не знал, какие убеждения у вас вызреют.

— А вы читали?

— Он ознакомил меня с переводом.

— И что вы думаете об этом?

— Его публикация вызовет всемирное цунами. То, что мы знаем об этом человеке, не имеет ничего общего с реальностью. Его образ был преднамеренно искажен. И причины, почему это случилось, теперь очевидны. Если вы помните, в Деяниях Апостолов он показан в качестве представителей сил тьмы, черного мага, окруженного какими-то подозрительными личностями. При встрече с Петром он предлагает ему деньги за дар исцеления, который наделяет человека Святой Дух. Кстати, именно его именем названо то явление, известное как симония. Однако в тех же Деяниях есть любопытный момент, Симон-волхв высказывает сомнение по поводу миссии Христа и полномочиях Петра, как апостола. И это соотносится с тем текстом, который однажды обнаружил ваш отец.

— А что было дальше?

— Существуют античные свидетельства, что Симон-волхв вызвал Петра на дуэль, во время которого они соревновались в демонстрации

публики разных чудес. И даже он одолел ученика Христа. Правда, кончается для него это соревнование не слишком замечательно, во время одного из трюков он ломает ногу. И зрители присуждают победу его противнику.

— Это все, что о нем известно?

— В общем, да. В первые века нашей эры, то есть на заре христианства некоторые авторы обвиняли его в том, что он являлся чуть ли не основателем гностицизма. Такое мнения придерживался блаженный Епифаний. Другие уверяли, что он путешествовал в компании женщины по имени не то Елены, не то Хелены, уроженцы города Тира. Но есть основания для предположения, что она была проституткой. Но он называл ее «Первая мысль», «Мать всего сущего», земным воплощением Софии. Этот маг основал секцию, в ее идейное основание он положил концепцию, что мудрость была женщиной. И не просто женщиной, а проституткой. А спасение человека лежит через священнодействия с помощью ритуального секса. И члены секты поклонялись этой Елене, как богине. Сама же Елена танцевала перед ними обнаженной в ритуальных сетях. А в более поздние времена Симон идентифицировали в качестве Фауста. Впрочем, все это не столь уже важно, после находки вашего отца становится понятным, что все эти сведения не

более, чем досужие вымыслы. По крайней мере, значительная их часть.

— Что же на самом деле? — тихо спросила Эльвира.

— На самом деле, — задумчиво повторил Ведев. — На самом деле, выходит так, что Симон-волхв был первым оппонентом Иисуса Христа. Он предостерегал его не идти по избранному им пути, указывал на непредвиденные последствия. Отсюда понятно, почему о нем столь негативно отзываются в Деяниях Апостолов. Из этого свитка становится ясно, что Христос не был не Богом, ни сына Бога, а обыкновенным, хотя и очень одаренным человеком. Он считал себя мессией и хотел повести за собой израильский народ. А в общем-то, он проповедовал весьма распространенную в мире программу лидера революционного движения. Скорей всего именно эту роль и хотел он сыграть.

Ведев откинулся на спинку кресла и достал сигарету. Курил он мало и редко, но сейчас вдруг почему-то ощутил в этом сильную потребность.

— Но если от этого свитка так много зависит, разве не должны мы его отыскать? — вдруг произнесла Эльвира.

Ведев ничего не ответил. К своему удивлению он почувствовал растерянность. На него навалилось ощущение, что он оказался перед дилеммой,

которая может полностью изменить всю его жизнь.

Глава 13

Симон направлялся в Капернаум, прослышав, что там находится Иешуа. С тех пор, как он вернулся в родные края, они не виделись. И все это время он раздумывал, стоит ли им встречаться. Слухи о том, что Иешуа создал новое движение и мутит народ, множились. И он не мог спокойно к ним относиться. С одной стороны. С другой стороны Симон слишком хорошо знал неугомонный характер своего друга детства, его стремление первенствовать всегда и во всем. И то, что сейчас происходило, не вызывало у него большого удивления, однажды это должно было случиться.

Но вот что будет дальше? Этот вопрос не давал Симону покоя. Он видел, как накалялась обстановка в Палестине, религиозный фанатизм помноженный на ненависть к римлянам могли в любую минуту разжечь пожар войны, в котором сгорят буквально все. И те, кто поджигает, и те, кто пытается огонь погасить. Впрочем, таких почти нет. Или они боятся заявить об этом открыто.

Симон перенесся в прежние годы, когда вместе с Иешуа они жили в лагере ессеев. Он помнил, как завораживали его друга рассказы про

Учителя праведности. Тогда он тайком следил за ним и видел, как загорались его глаза. Он, Симон, тоже слушал эти истории, но чувствовал, что они вызывают в нем неясную тревогу. Ему не нравилось в их новых товарищах то, что привлекало Иешуа, — безмерная экзальтация, абсолютная уверенность в своей правоте при полном нежелании слушать кого-то другого. Ессеи смотрели на мир исключительно с одних позиций. И Иешуа впитывал их проповеди, как губка вода.

То, что привлекало Иешуа, отталкивала Симона. Именно там, у ессеев у него зародилась мысль непременно узнать другие точки зрения на жизнь. В его голове блуждали смутные мысли, подчас такие смелые и непривычные, что он сам их пугался. Иногда, звездными вечерами они обсуждали их, глядя на бесчисленные светящиеся точки над головой. Симона не отпускало ощущение какого-то несоответствия между беспредельной Вселенной и тем узким взглядом на мир, с жесткими правилами и обрядами, которые царили вокруг. Симон пытался примирить их, но тщетно, подсознательно он чувствовал, что эти два подхода не имеют шансов на согласие. И рано или поздно ему предстоит выбрать один из них.

Как ни странно, но Иешуа в этом вопросе был с ним согласен, но при этом его мысль устремлялась совсем в другом направлении. Он

говорил о том, что людям нужна новая вера в старые вечные истины, которые незыблемы, как скала, но дорога к которым все больше покрывается непроходимым кустарником. И надо ее расчистить. Иначе все застрянем в зарослях.

И вот теперь он, судя по всему, принялся за эту титаническую работу. Но только чем она завершится? Симон не верил в ее успех, Иешуа искренен в своем желании, но разве ни искренние люди обманываются сильнее всего и обманывают других, кто последовал за ними. Так ему говорили его учителя далеко от этих мест. Они предостерегали против тех, кто зажигает факел новой веры. Сначала людям кажется, что он, наконец, освещает им путь, что истина теперь с ними. Но рано или поздно выясняется, что эта дорога ведет в никуда и повторяет едва ли ни вслед в след давно исхоженные и хорошо знакомые тропы.

Симон вернулся домой с твердым намерением оставаться от всего в стороне. В той далекой стране он постиг искусство врачевания. Он оказался очень искусным в нем. Слухи об его способностях к исцелению быстро передавались от человека к человеку, и он мог бы там остаться навсегда, наслаждаясь достатком, покоем и авторитетом. Его долго уговаривали это сделать, но он выбрал иной вариант. Его не отпускало беспокойство, какая-то

неведомая сила побуждала отправиться в дорогу. И однажды он поддался ей. Собрав пожитки, он ушел.

И только здесь и то не сразу он начал постигать ту миссию, которая заставила его сорваться с насиженного места. Он должен сделать попытку остановить надвигающееся безумство, иначе рано или поздно катастрофа неминуема. Но он уверен был и в другом, ему ничего не удастся сделать, силы, которые сейчас выпрыгивают из бутылки, многократно сильнее и могущественней тех, какими он наделен. Это одна из бесчисленных партий, которая изначально не имеет шансов на успех, но которую все равно необходимо довести до конца.

Идти было недалеко, но день был жаркий, и Симон ощущал усталость. Но он все равно двигался вперед. Им владело все поглощающее упрямство, которое заставляло преодолевать зной и отмерять по пыльной дороге все новые расстояния. Но если бы его спросили, зачем все это ему надо, то он не смог бы ответить на заданный вопрос, ответ находился за пределами его понимания. А коли так, зачем себя утруждать расспросами, надо следовать тому импульсу, что направляет твоё движение. Так, учили его; следовать высшим силам вовсе не означает быть слепым и поступать без разума, а уметь подчиняться высшей необходимости, смысл которой лежит за пределы человеческого

понимания.

Утомленный и запыленный Симон пришел в Капернаум. Иешуа ему не пришлось долго искать, он обнаружил его почти сразу. Вернее, сперва не его, а толпу возбужденных жителей. И лишь затем он увидел того, кого знал с детства.

Но Иешуа, поглощенный своим занятием, не заметил Симона. В этот момент к нему подошел сотник римского гарнизона. Его лицо выражало сильное подобострашие. «Господи! Слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает».

Несколько секунд Иешуа смотрел на просителя, и Симон мог поклясться, что на его лице отразилось нерешительность. Но он быстро себя преодолел. «Я приду и исцелю его», — ответил Иешуа.

Вся толпа, громко галдя, направилась к дому сотника. Симон, стараясь не привлекать к себе внимания, последовал за всеми.

Они вошли в дом сотника, и тот снова засуетился. «Господи! Я недостойн, чтобы Ты вошел бы под кров мой, но скажи только слово и выздоровеет слуга мой, ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди» и идет, и другому «приди», и приходит; и слуга моему «сделай то» и делает.

Симон видел, как долго и внимательно смотрел Иешуа на сотника, что-то обдумывая. И

внезапно обратился к своему окружению: «Истинно говорю вам и в Израиле не нашел я такой веры. Говорю же вам, что многие придут и с востока и с запада и возлягут с Авраамом, Исааком в Царстве Небесном: а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Иешуа подошел вплотную к сотнику: «иди и, как ты веровал, да будет тебе».

Все взгляды мгновенно обратились на лежащего на лежанке человека. Его лицо выражало страдание. Прошло пару минут — и внезапно он встал. «Я чувствую себя хорошо, — вдруг громко объявил он.

Слуга упал перед Иешуа на колени, но его благодарственная молитва потонула в радостных криках толпы. Симон же перехватил довольный взгляд стоявших рядом с Иешуа двух мужчин. Он узнал их, один был Петр, другой Фома. Кажется, он начинает догадываться, что тут происходит.

Сеанс лечения продолжался, Иешуа ходил из дома в дом излечивал людей. Некоторые, в самом деле, были больны, опытный глаз Симона различал непритворные признаки недугов. И его друг детства всякий раз находил правильные решения. Да, он, в самом деле, очень талантливый лекарь, мысленно соглашался Симон. Впрочем, он знал, что во многих случаях он бы тоже излечил этих больных.

Настал вечер, а поток людей не иссякал.

Симон все никак не мог поговорить с Иешуа. Родственники привели нескольких бесноватых, их движения были порывисты, а речи невняты. Иешуа сказал им что-то, и они ушли. Кто-то выкрикнул слова пророка Исаии: «Он взял на себя наши немощи и понес болезни».

Толпа ответила на эти слова восторженными возгласами. И Симон вдруг ясно осознал, зачем он тут, зачем предпринял утомительное путешествие. В его ушах вдруг так явственно раздался голос его далекого учителя, что он даже огляделся, пытаясь его отыскать рядом с собой. Но его не было, эти слова донеслись до Симона через время и расстояние: «Человек так устроен, что он подсознательно или сознательно находится в постоянном поиске Бога. Но так как найти Его он не может, то принимает за Него любого, кто вольно или невольно внушит ему, что он Им и является. И такие заместители Бога на земле самые опасные люди, даже если ими движет лучшие намерения. Они порождают процессы, которыми не в состоянии ни управлять, ни контролировать».

«Я должен донести эту мысль до Иешуа, — говорил себе Симон, глядя на беснующуюся от восторга толпу. — Будущее непредсказуемо, а тот, кто говорит от его имени, самый большой лжец».

На Капернаум опустился теплый южный вечер. Однако очередь за исцелением не

становилось меньше. Не все уходили после сеанса выздоровевшими, но никого это уже не беспокоило; эпидемия экстаза поклонения заражало все больше людей. Симон видел, как утомился врачеватель, как все с большим трудом удаётся ему выдерживать этот людской напор.

Наконец с ближайшими учениками Иешуа сел в лодку, и они поплыли на другой берег. Симон успел вскочить в суденышко. Их взгляды встретились, на лице Иешуа отобразилось удивление. Но не только оно, Симона вдруг кольнуло ощущение, что их встречи его друг детства совсем не рад.

Они высадились на другой берег. И только тогда Симон подошел к нему.

— Я слышал, что ты вернулся, — сказал лишенным интонаций голосом Иешуа.

Их окружили его соратники, но Иешуа дотронулся до руки Симона и направился в сторону. Симон пошел следом. Никто больше за ними не последовал.

— Ты все видел? — спросил Иешуа.

— Ты же видел.

— И что ты думаешь?

— Остановись.

Иешуа некоторое время молчал, затем покачал головой.

— Ты не понимаешь. — Потом подумал,